

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Том 26. № 5
Май 2019 г.

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

Volume 26. № 5
May 2019

Издается с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ведев Алексей Леонидович — доктор экономических наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Моргунов Вячеслав Иванович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дробышевский Сергей Михайлович — доктор экономических наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Золотарева Анна Борисовна — кандидат юридических наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Кадочников Павел Анатольевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Радыгин Александр Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Синельников-Мурылев Сергей Германович — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Стародубровская Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru> **Электронный адрес:** EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46259 от 17.08.11

29 декабря 2015 г. Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки России включила журнал «Экономическое развитие России» в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК

Редакционно-издательский отдел: начальник Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21, факс: +7 (495) 697-88-16

Использованы данные Росстата, Межгосударственного статистического комитета СНГ, НИА «Юниверс», Департамента статистики ЦБ РФ, СИ ММВБ

© «Экономическое развитие России», 2019

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

Платежный баланс в первом квартале 2019 г.: у рубля имеется потенциал для укрепления. Божечкова А. В., Лаврищева А. А., Трунин П. В. 3

Внешний оборот услуг в 2018 г.: рост экспорта.
Кнобель А. Ю., Фиранчук А. С. 7

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика производства в первом квартале 2019 г.: рост обрабатывающих отраслей. Каукин А. С., Миллер Е. М. 14

Российская промышленность: оценка производственных мощностей.
Цухло С. В. 20

Хозяйственное обозрение (февраль–май 2019 г.).
Аукуционек С. П., Егоров А. С., Баширова И. А., Сержантова Т. В. 22

АГРОСЕКТОР

Госпрограмма комплексного развития сельских территорий: анализ проекта. Узун В. Я. 30

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

Финансовый сектор: как строить прогноз его развития.
Ведев А. Л. 35

Влияние дивидендного фактора на инвестиционную привлекательность акций российских компаний. Абрамов А. Е., Радыгин А. Д., Чернова М. И. 38

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Совершенствование организации предпринимательства в России в условиях цифровой экономики. Сметанина А. И. 47

ЭКОЛОГИЯ

Национальный проект «Экология»: робкие шаги к реализации.
Авдоница А. М. 53

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Продолжительность жизни: дифференциация по полу.
Хасанова Р. Р. 56

Макроэкономика

ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС В ПЕРВОМ КВАРТАЛЕ 2019 г.: У РУБЛЯ ИМЕЕТСЯ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ*

А. В. БОЖЕЧКОВА
А. А. ЛАВРИЩЕВА
П. В. ТРУНИН

В первом квартале 2019 г. положительное торговое сальдо России выросло по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Существенный вклад в этот процесс внесло сокращение импорта, обусловленное ослаблением рубля. Данные платежного баланса свидетельствуют о наращивании инвестиций резидентов в иностранные активы, а также об усилении привлекательности рынка ОФЗ для нерезидентов. Рубль обладает потенциалом для дальнейшего укрепления, хотя не исключено, что при появлении новых внешних шоков снижение его курса может возобновиться.

Ключевые слова: платежный баланс, экспорт, импорт, счет текущих операций, курс рубля, отток капитала, Банк России.

Согласно опубликованной Банком России предварительной оценке платежного баланса сальдо счета текущих операций в первом квартале 2019 г. составило 32,8 млрд. долл. (на 9,3% больше, чем годом ранее).

Торговый товарный баланс достиг 45,3 млрд. долл., превысив на 2,5% значение соответствующего квартала предыдущего года. (См. рис. 1.) Определяющую роль в этом росте сыграло падение импорта с 57,4 млрд. долл. в январе-марте 2018 г. до 55,9 млрд. долл. за аналогичный период текущего года.

Увеличение торгового баланса, при снижении импорта, сопровождалось сокращением экспорта: он уменьшился со 101,7 млрд. долл. в первом квартале прошлого года до 101,2 млрд. долл. в первом квартале текущего. Это обусловлено тем, что при стабильных физических объемах экспортных поставок снизились средние цены последних на сырую нефть, неф-

тепродукты, черные и цветные металлы и это снижение не было компенсировано повышением цен на газ, уголь, минеральные удобрения и другие товары. (См. таблицу.)

Баланс торговли услугами в первом квартале 2019 г. почти не изменился и составил -6,6 млрд. долл. И экспорт, и импорт услуг снизились по сравнению с первыми тремя месяцами 2018 г., однако экспорт уменьшился значительно и в относительном, и в абсолютном выражении.

Баланс инвестиционных доходов, как и баланс оплаты труда, изменился незначительно: первый вырос по сравнению с первым кварталом 2018 г. на 0,9 млрд. долл. (с -4,4 до -3,5 млрд. долл.), а второй — на 0,2 млрд. долл. (с -0,7 до -0,5 млрд. долл.).

Таким образом, основным фактором, определяющим величину сальдо счета текущих операций в российской экономике, по-преж-

Божечкова Александра Викторовна, заведующий лабораторией денежно-кредитной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: bojchekova@ier.ru; Лаврищева Анастасия Анатольевна, аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: lavrishcheva-a@ranepa.ru; Трунин Павел Вячеславович, руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук (Москва), e-mail: pt@ier.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 7 (90) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

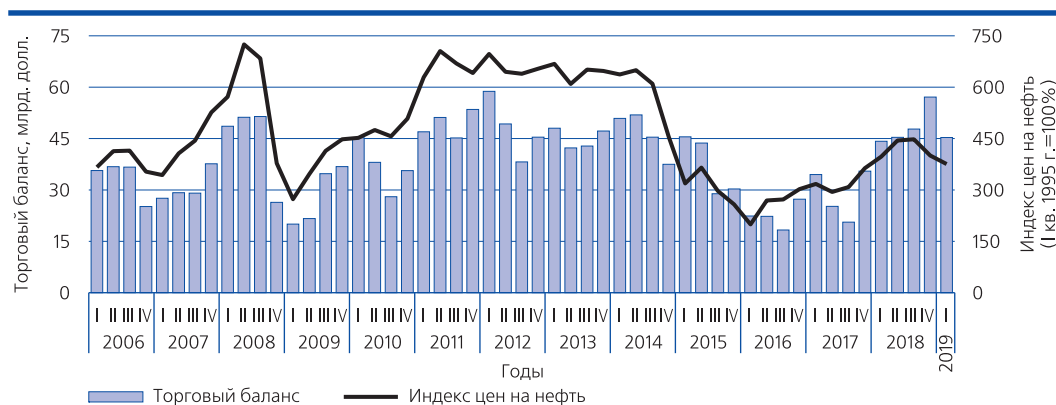
нему остается баланс торговли услугами и торговый товарный баланс.

Увеличение профицита счета текущих операций сопровождалось ростом дефицита финансового счета, который в январе-марте 2019 г. составил 15,0 млрд. долл. (по сравнению с 12,4 млрд. долл. годом ранее). Чистый вывоз капитала банками и предприятиями оказался равным 25,2 млрд. долл., увеличившись по сравнению с первым кварталом 2018 г. в 1,6 раза. (См. рис. 2.)

При этом чистый вывоз капитала банками достиг 15,7 млрд. долл., тогда как в первом квартале 2018 г. данный показатель составлял 2,8 млрд. долл. Он был сформирован ростом иностранных активов (10,3 млрд. долл. по сравнению с 0,3 млрд. долл. в январе-марте предыдущего года) и сокращением внешних обязательств (-5,5 млрд. долл. против -2,5 млрд. долл.).

Чистый вывоз капитала предприятиями составил 9,4 млрд. долл. (13,4 млрд. долл. за

Рис. 1. Торговый баланс РФ и динамика мировых цен на нефть в 2006–2019 гг.

Источник: Банк России, МВФ.

Изменение цен на базовые товары российского экспорта в январе-феврале 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.

Товарная группа	Доля товарной группы в экспорте, в %	Средняя цена экспортных поставок, долл./т		Изменение цены, в %
		январь-февраль 2019 г.	январь-февраль 2018 г.	
Нефть сырая	27	432	461	-6,2
Нефтепродукты	17	455	470	-3,1
Газ природный*	14	238	202	+18,1
Черные металлы	4,8	457	499	-8,4
Уголь каменный	3,8	87	79	+10,3
Газ природный сжиженный**	2,2	158	133	+19,0
Алюминий	1,9	1824	1820	+0,2
Удобрения минеральные	1,8	266	230	+15,4
Медь	1,2	6052	6924	-12,6
Никель	0,5	11 886	131 92	-9,9

* – Цена указана в долл./млрд. куб. м.

** – Цена указана в долл./тыс. куб. м.

Источник: ФТС, расчеты авторов.

первый квартал 2018 г.). Наибольший вклад в динамику сальдо счета операций предприятий с внешним миром внес рост внешних активов. Так, величина прочих иностранных активов (по данной статье отражаются преимущественно ссуды и займы) небанковского сектора выросла на 10,1 млрд. долл. (4,5 млрд. долл. в первом квартале 2018 г.) при одновременном снижении прочих иностранных обязательств в размере -2 млрд. долл. (-1 млрд. долл.).

Объем исходящих портфельных инвестиций составил 0,6 млрд. долл. (0,4 млрд. долл. в первом квартале 2018 г.), тогда как входящие портфельные инвестиции достигли лишь 0,3 млрд. долл. (1 млрд. долл.). Отток средств предприятий в виде прямых иностранных инвестиций в размере 8,8 млрд. долл. (12,6 млрд. долл.) был с избытком компенсирован притоком прямых инвестиций нерезидентов в РФ в размере 11,5 млрд. долл. (6,4 млрд. долл.).

В условиях отсутствия новых серьезных санкций и повышения привлекательности развивающихся рынков позитивные ожидания инвесторов привели к возобновлению роста вложений иностранных экономических агентов в ОФЗ. В первом квартале 2019 г. увеличи-

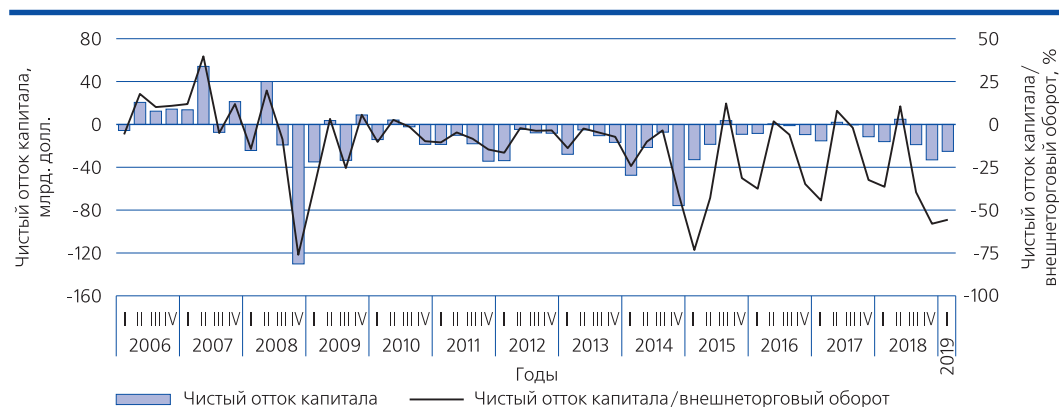
лись вложения нерезидентов в обязательства федеральных органов управления (7,5 млрд. долл. против 4,1 млрд. долл. годом ранее). В результате за январь-февраль доля нерезидентов на рынке ОФЗ выросла с 24,4 до 25,9%.

Прирост международных резервов составил 18,6 млрд. долл. (19,3 млрд. долл. в первом квартале 2018 г.), в результате чего они достигли 487,8 млрд. долл. Такая динамика была обусловлена прежде всего покупкой Минфином России иностранной валюты на сумму около 801,3 млрд. руб. (700,3 млрд. руб.) на внутреннем валютном рынке в рамках бюджетного правила.

За январь-март 2019 г. рубль укрепился к доллару на 6,8% – до 64,7 руб./долл. Поддержку рублю оказали высокие цены на нефть, отсутствие новых санкций, а также повышение глобального спроса на активы развивающихся стран, вызванного ожиданиями смягчения монетарной политики ФРС США.

У рубля имеется потенциал для дальнейшего укрепления. По нашим оценкам, в соответствии с состоянием фундаментальных факторов, его расчетный номинальный курс не превышает 62 руб./долл.¹

Рис. 2. Чистый отток капитала частного сектора в 2006–2019 гг.

Источник: Банк России, расчеты авторов.

¹ Божечкова А., Трунин В. Оценка фундаментально обоснованного реального курса рубля // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22, № 2. С. 16–19.

По всей видимости, в 2019 г. при сохранении текущих мировых цен на нефть (-60 долл./барр.) и номинального курса рубля на уровне около 65 руб./долл. следует ожидать незначительного укрепления реального курса нацио-

нальной валюты, небольшого роста экспорта, а также слабого падения импорта по сравнению с уровнем 2018 г., что будет способствовать продолжению некоторого роста счета текущих операций. ■

Russia's Balance of Payments in Q1 2019: Rouble Has Potential for Appreciation

Alexandra V. Bozhechkova – Head of Monetary Policy Department of the Gaidar Institute; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bozhechkova@iep.ru

Anastasia A. Lavrishcheva – Doktorand of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: lavrishcheva-a@ranepa.ru

Pavel V. Trunin – Head of Center for Macroeconomics and Finance of the Gaidar Institute; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: pt@iep.ru

Russia's positive balance of trade increased in Q1 2019, compared to the previous years' same period, on the back of decline in imports (a major contributor to the increase) induced by rouble depreciation. BoP data show that residents invested more in foreign assets as well as the OFZ bond market became more appealing to non-residents. The Russian rouble has potential for further strengthening, although its depreciation cannot be ruled out if new external shocks occur.

Key words: balance of payments, current account, trade surplus, capital outflow, capital inflow and exchange rate, Bank of Russia.

ВНЕШНИЙ ОБОРОТ УСЛУГ В 2018 г.: РОСТ ЭКСПОРТА*

А. Ю. КНОБЕЛЬ
А. С. ФИРАНЧУК

Российский экспорт услуг в 2018 г. увеличился на 12,4%. Этот динамичный рост носит восстановительный характер. Однако существует вероятность замедления роста после достижения докризисных объемов 2013 г. Импорт услуг в 2018 г. вырос на 6,6%, остановившись в четвертом квартале, что связано с динамикой курса рубля.

Ключевые слова: внешнеторговый оборот, импорт услуг, экспорт услуг, структура внешнеторгового оборота услуг.

В 2018 г. российский внешнеторговый оборот услуг вырос на 8,9% — до 159,5 млрд. долл. (в 2017 г. — 146,5 млрд. долл.), что вдвое ниже темпов роста внешнеторгового товарооборота (+17,7%). Это привело к снижению доли услуг во внешней торговле России до 18,8% (-1,2 п.п.).

Как и в сфере товарооборота¹, рост экспорта услуг в 2018 г. (12,4%) превзошел темпы увеличения импорта (6,6%). Это привело к снижению дефицита сальдо оборота услуг до 29,9 млрд. долл. (31,2 млрд. годом ранее).

В географической структуре внешнего оборота услуг сократилась доля СНГ, что вызвано продолжающимся четвертый год подряд снижением доли Украины. Также снизилась доля ЕС. Турция и Китай наиболее значительно нарастили оборот услуг с Россией.

Динамика экспорта и импорта услуг

Экспорт услуг демонстрирует положительную динамику со второго полугодия 2016 г. Высокий ежеквартальный рост (год к году) на уровне 8–18% наблюдался в течение двух последних лет. Объем экспорта достиг 64,76 млрд.

долл., что составляет 92% от докризисного уровня (70,12 млрд. долл. в 2013 г.) (См. рис. 1.)

Динамика импорта услуг начиная с первого квартала 2017 г. была положительной, за исключением четвертого квартала 2018 г., когда этот индикатор показал снижение на 0,8% по сравнению с четвертым кварталом 2017 г. Причина — сокращение импорта «поездок» (поездки россиян за рубеж), вызванное, вероятно, ослаблением курса рубля. В целом по итогам года импорт услуг составил 94,70 млрд. долл. (+6,6% к уровню 2016 г.), что на четверть ниже уровня 2013 г., тогда этот показатель достиг 128,4 млрд. долл. (См. рис. 2.)

Среднесрочная динамика оборота услуг схожа с динамикой товарооборота, особенно в случае импорта. (См. рис. 3.) В 2016 г. все четыре компонента внешней торговли достигли своих минимальных значений, сократившись на 25–46% от докризисного уровня (2013 г.), после чего в 2017–2018 гг. стали расти.

Увеличение импорта услуг (+6,6%) и товаров (+5,0%) в 2018 г. замедлилось. Более того, поквартальная динамика указывает на прекращение роста в конце 2018 г. Замедление может быть связано как с исчерпанием

Кнобель Александр Юрьевич, заведующий лабораторией международной торговли Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Института международной экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития России, канд. экон. наук (Москва). E-mail: knobel@ier.ru; Фиранчук Александр Сергеевич, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва). E-mail: firanchuk@ranepa.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» №8 (91) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ См.: Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2018 г.: рост несырьевого неэнергетического экспорта // Экономическое развитие России, 2019. №4. С. 11–19.

потенциала восстановительного роста, так и с умеренным ослаблением курса рубля.

Динамика экспорта как услуг, так и товаров не показывает какого-либо замедления, а их стоимостный объем приближается к докризисным значениям (92 и 85% соответственно). Впрочем, динамика товарного экспорта связана в первую очередь с ценовой конъюнктурой на мировых рынках топлива. Следует отметить влияние цен на энергоносители на

среднюю стоимость транспортных услуг. Но даже если исключить их из рассмотрения, увеличение экспорта остальных услуг в 2018 г. сохранился на уровне 12%.

Структура экспорта и импорта услуг

Динамика экспорта в пяти крупнейших сферах услуг (с долей более 5% от общего экспорта услуг) в 2018 г. сохранила положитель-

Рис. 1. Динамика российского экспорта услуг в 2016–2018 гг.

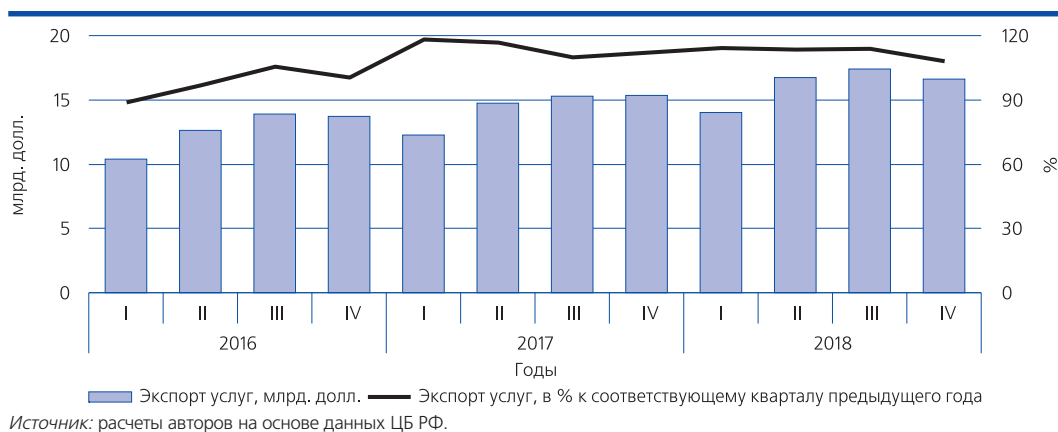

Рис. 2. Динамика российского импорта услуг в 2016–2018 гг.

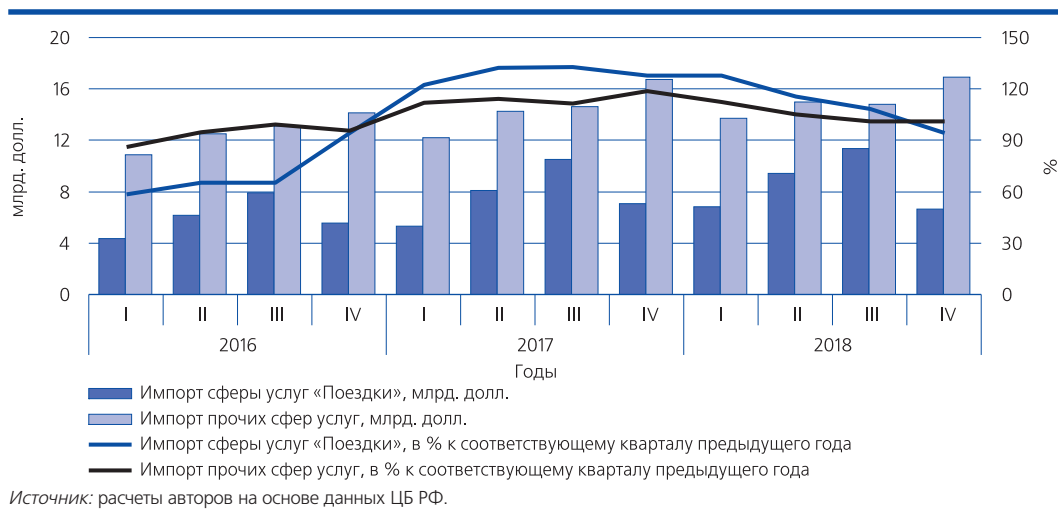
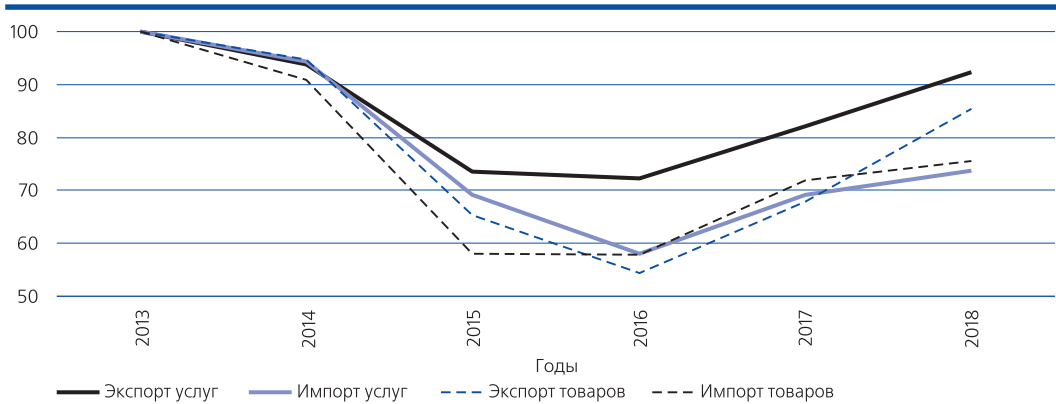

Рис. 3. Динамика основных компонент внешней торговли России в 2014–2018 гг., в % к 2013 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных ЦБ РФ.

ные значения, как и годом ранее². Увеличение экспорта «транспортных услуг» составило 12%, «прочих деловых услуг» – 1%, «поездки» – 28%, телекоммуникационных услуг – 13%, строительных услуг – 17%. (См. табл. 1.) Единственная из двенадцати основных сфер услуг, в которой зафиксировано снижение экспорта в 2018 г., – «Услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров» (-11%) – имела положительную динамику в 2017 г. (+17%).

Динамика импорта в шести крупнейших секторах услуг (с долей более 5% от общего импорта услуг) была также положительной (рост на 2–10%). Из крупных сфер услуг значительнее всего увеличился импорт в сфере «поездки» (т.е. вырос объем поездок россиян за рубеж) и «строительство» – на 10%. (См. табл. 1.) Импорт в трех сферах услуг (с совокупной долей в 3,2%) снизился в 2018 г. Из двенадцати сфер услуг импорт в двух – «Финансовые услуги» и «Государственные товары и услуги» – в 2018 г. был ниже, чем в 2016 г.

Географическая структура оборота услуг

Географическая структура внешней торговли

услугами России с основными партнерами представлена в табл. 2.

Доля Европейского союза в обороте услуг России снизилась до 42,0% (-1,84 п.п.), что близко к его доле и в товарообороте (42,7%). ЕС остается крупнейшим торговым партнером России. Отметим, что традиционно доля Европейского союза в импорте услуг (в 2018 г. 45,7%) больше, чем в экспорте (36,5%).

Доля стран АТЭС увеличилась до 15,0% (+0,66 п.п.). Однако это вдвое ниже доли этих стран в товарообороте (31%), что связано с незначительным оборотом услуг с Китаем (3,7% от общего оборота услуг) по сравнению с товарооборотом (15,7% от совокупного товарооборота России). Доля США в обороте услуг в последние годы относительно стабильна. Южная Корея наращивает оборот услуг с Россией опережающими темпами, ее доля увеличилась полуторакратно за 2013–2018 гг. (с 0,75 до 1,1%).

Снижение доли стран СНГ в обороте услуг в последние годы связано со значительным сокращением экономических связей с Украиной. Доля последней в обороте услуг с 2013 г. снизилась втрое – до 1,15%, а объем оборота услуг – почти вчетверо (с 6,9 до 1,8 млрд.

² См.: Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2018 г.: рост несырьевого неэнергетического экспорта // Экономическое развитие России, 2019. №4. С. 11–19.

Таблица 1
Структура российской внешней торговли услугами в расширенной классификации

Сфера услуг	Экспорт услуг			Импорт услуг			
	2017 г., млрд. долл.	2018 г., млрд. долл.	Изменение в 2018 г. относительно 2017 г., %	2017 г., млрд. долл.	2018 г., млрд. долл.	Изменение в 2018 г. относительно 2017 г., %	Доля сферы услуг в 2018 г., %
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	1,53	1,64	7	0,16	0,15	-7	0,2
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров	1,80	1,60	-11	1,78	2,01	13	2,1
Транспортные услуги	19,86	22,14	12	14,49	15,30	6	16,2
Поездки	8,94	11,49	28	31,06	34,27	10	36,2
Строительство	4,81	5,61	17	4,39	4,81	10	5,1
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	0,33	0,47	44	1,21	1,00	-17	1,1
Финансовые услуги	1,13	1,48	31	2,24	1,83	-18	1,9
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	0,73	0,88	20	5,98	6,29	5	6,6
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	4,65	5,26	13	5,38	5,49	2	5,8
Прочие деловые услуги	12,47	12,58	1	19,32	20,41	6	21,6
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	0,49	0,59	19	1,43	1,83	27	1,9
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	0,88	1,02	16	1,42	1,32	-8	1,4
Всего	57,63	64,76	12,4	88,86	94,70	6,6	100,00

Источник: расчеты авторов на основе данных ЦБ РФ.

Таблица 2
Географическая структура оборота внешней торговли услугами России в 2013–2018 гг. по основным странам–торговым партнерам

Регион/страна	Доля в обороте услуг России, в %						Изменение: 2018 г. к 2017 г., п.п.
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	
ЕС	42,66	44,67	43,11	44,79	43,81	41,97	-1,84
АТЭС	12,15	12,44	12,90	14,71	14,26	14,92	0,66
в том числе:							
Китай	1,85	1,90	2,36	3,18	3,25	3,67	0,42
США	5,50	5,51	5,49	5,93	5,22	5,23	0,02
Япония	0,70	0,68	0,76	0,78	0,59	0,63	0,04
Республика Корея	0,75	0,81	0,91	1,02	1,01	1,11	0,10
Вьетнам	0,44	0,55	0,62	0,83	0,96	0,81	-0,15
Таиланд	1,51	1,37	0,92	1,04	1,28	1,37	0,09
СНГ	10,88	9,73	10,12	9,56	9,40	9,29	-0,11
из него ЕАЭС	4,04	4,24	5,32	5,25	5,37	5,38	0,02
в том числе:							
Армения	0,35	0,34	0,42	0,45	0,45	0,47	0,02
Белоруссия	1,78	1,99	2,09	2,32	2,49	2,50	0,01
Казахстан	1,61	1,59	2,36	2,05	2,01	2,00	-0,01
Киргизия	0,30	0,32	0,45	0,43	0,42	0,41	-0,01
Украина	3,46	2,38	2,02	1,64	1,22	1,15	-0,07
<i>Услуги, не распределенные по отдельным странам СНГ</i>	1,08	0,93	0,84	0,79	0,97	0,85	-0,12
Прочие страны	34,32	33,16	33,87	30,94	32,53	33,82	1,29
в том числе:							
Норвегия	0,55	0,61	0,56	0,52	0,51	0,48	-0,03
Швейцария	4,19	3,56	4,06	4,60	4,70	4,73	0,03
Турция	7,78	6,79	6,41	2,64	4,12	5,04	0,92
Египет	1,32	1,95	2,34	0,04	0,07	0,20	0,12
ОАЭ	1,45	1,21	1,26	1,36	1,84	1,92	0,08
Панама	1,04	1,13	1,10	1,18	1,19	1,19	0,00

Источник: расчеты авторов на основе данных ЦБ РФ.

долл.). В 2018 г. экспорт и импорт услуг с Украины увеличились на 3 и 2% соответственно, что во многом повторяет динамику товарооборота с этой страной в последние годы.

Оборот услуг со всеми странами ЕАЭС увеличился в диапазоне от 6,4% (Киргизия) до 14,8% (Армения).

Перспективы роста экспорта услуг

Экспорт всех без исключения видов услуг в 2018 г. превосходил уровень 2016 г. С одной

стороны, это указывает на значительное и быстрое восстановление объемов экспорта после кризиса. Долгосрочного снижения экспорта услуг и товаров не произошло. С другой стороны, динамика резкого восстановительного роста ставит вопрос о том, продолжится ли столь быстрое увеличение экспорта услуг (и товаров) после достижения докризисного уровня (2013 г.). Из двенадцати товарных групп только четыре пока превысили уровень 2013 г.: «Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги» – на 26%, «Плата за

пользование интеллектуальной собственностью» — на 19%, «Транспортные услуги» — на 7%, «Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям» — на 1%. При этом рост двух последних ниже пятилетней долларовой инфляции.

Таким образом, можно говорить о превышении экспорта услуг уровня 2013 г. только для двух первых сфер. Отметим, что экспорт телекоммуникационных услуг со стороны ЕС (за исключением оборота услуг внутри Евросоюза) — одного из крупнейших мировых поставщиков услуг — вырос за тот же период на 38%, экспорт «интеллектуальной собственности» — на 49%, а общий экспорт услуг ЕС — на 12% (в 2018 г. к уровню 2013 г.)^{3, 4}. Из этого можно заключить, что динамика российского экспорта сильно отстает от европейских и мировых трендов.

Для достижения целевого показателя по уровню экспорта услуг в 100 млрд. долл. в 2024 г. (в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г.) среднегодовой рост в ближайшие 6 лет должен составлять 7,5%. Это значение ниже темпов роста экспорта услуг Россией в 2017 г. (14%) и 2018 г. (12%). Однако, как было отмечено, это восстановительный рост, и даже по тем позициям, где экспорт услуг значительно превзошел уровень экспорта 2013 г., нельзя говорить о значительном укреплении позиций

России по сравнению с другими поставщиками услуг.

Структура экспорта услуг России и ЕС продолжают значительно отличаться⁵. В Европейском союзе она хорошо сбалансирована.

Транспортные услуги сохранили доминирующую роль в структуре российского экспорта (34%), это почти вдвое выше, чем соответствующая доля в экспорте услуг ЕС (18% в 2017 г.). Экспорт транспортных услуг фактически исчерпал потенциал восстановительного роста. Более того, динамика данной сферы в значительной мере связана с объемами товарооборота и цен на топливо.

Доля услуг «Поездки» в российском экспорте услуг (15%) соответствует аналогичному показателю в структуре экспорта ЕС (15% в 2017 г.). Рост данной сферы оказался наибольшим, но сохранение таких темпов остается маловероятным. Скачок связан с прошедшим чемпионатом мира по футболу и соответствующими послаблениями визового режима России.

Доли в российском экспорте двух наиболее технологичных сфер услуг — телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги» (8,1%) и «платы за пользование интеллектуальной собственностью» (1,4%) — значительно отстают от аналогичных показателей ЕС (14 и 7,7% соответственно). ■

³ Источник данных по объемам внешнего оборота услуг ЕС — Eurostat.

⁴ Данные Eurostat приводятся в евро, для целей сравнения с данными ЦБ, они были переведены в доллары по среднегодовому курсу в 1,33 и 1,18 долларов за евро в 2013 г. и 2018 г. соответственно.

⁵ Сравнение композиции экспорта услуг в 2017 г. обсуждалось в: Кнобель А., Фиранчук А. Внешний оборот услуг в 2017 г. // Экономическое развитие России, 2018. № 6. С. 15–20.

The Foreign Trade Turnover of Services in 2018: Growth in Exports

Alexander Yu. Knobel – Head of Foreign Trade Department of the Gaidar Institute; Director of Center for Foreign Trade Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Director of the Institute of International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for the Economic Development of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: knobel@iep.ru

Alexander S. Firanchuk – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: firanchuk@ranepa.ru

In 2018, Russian exports of services increased by 12.4%. This dynamic growth is of a recovery nature. However, it may slow down after it has attained the pre-crisis volumes seen in 2013. In 2018, imports of services rose by 6.6%, having stopped growing in Q4 because of the dynamics of the rouble's exchange rate.

Key words: foreign trade turnover, imports of services, exports of services, pattern of foreign trade turnover of services.

Промышленность

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРВОМ КВАРТАЛЕ 2019 г.: РОСТ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ОТРАСЛЕЙ*

А. С. КАУКИН
Е. М. МИЛЛЕР

В конце 2018 г. в обрабатывающем секторе российской экономики наблюдалась стагнация; росли отрасли, получавшие государственную поддержку либо использовавшие благоприятную мировую конъюнктуру. Данные начала 2019 г. говорят о росте в большинстве обрабатывающих отраслей. Это, за некоторыми исключениями (например, пищевая и химическая промышленность, металлургия), не вполне согласуется с предыдущими тенденциями, динамикой фундаментальных факторов, со спадом в оптовой и розничной торговле и стагнацией в грузообороте и строительстве¹.

Ключевые слова: промышленное производство, обрабатывающее производство, темпы роста, индексы производства, декомпозиция, трендовая компонента, налоговое регулирование.

Динамика промышленного производства в 2018 г. определялась ростом добывающего сектора, в основном за счет увеличения добычи природного газа и угля, а также общей стагнацией обрабатывающего сектора. Правда, некоторые отрасли демонстрировали положительные темпы роста либо благодаря хорошей мировой конъюнктуре, либо за счет прямой государственной поддержки².

За первый квартал 2019 г. произошло существенное подорожание нефти марки Brent на мировом рынке (на 25%). Рост цен на нефть сопровождался укреплением отечественной валюты, что могло сказаться на отраслях, продукция которых конкурентоспособна на мировом рынке только при относительно слабом рубле.

Также с 1 января 2019 г. вступили в силу некоторые изменения в таможенном и налоговом

регулировании, способные повлиять на предложение и спрос в промышленности. Во-первых, началась реализация мер по завершению налогового маневра в нефтяной и нефтеперерабатывающей отраслях, сопровождающегося замораживанием оптовых цен на бензин до 1 июля, что, помимо сокращения объемов производства, грозит снижением качества производимых нефтепродуктов отечественными НПЗ³. Во-вторых, были повышены акцизные ставки, в частности, на моторное топливо, что потенциально увеличивает затраты на перевозку и хранение товаров в экономике в целом. В-третьих, была увеличена ставка НДС с 18 до 20%, что может отрицательно сказаться на конечном потребительском спросе (на продовольственные товары, автомобили, недвижимость, стройматериалы) за счет роста цен.

Каукин Андрей Сергеевич, заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; заведующий лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва). E-mail: kaukin@ranepa.ru; Миллер Евгения Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва). E-mail: miller-em@ranepa.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» №8 (91) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ Авторы выражают благодарность М.Турунцевой и Т.Горшковой за помощь в проведении статистического анализа.

² Каукин А., Миллер Е. Промышленное производство в первом квартале 2018 г. // Экономическое развитие России. 2018. № 5. С. 35–38.

³ Жемкова А.М., Идрисов Г.И., Каукин А.С., Миллер Е.М. Заморозка цен на нефтепродукты — остановка налогового маневра? // Экономическое развитие России. 2019. №1. С. 31–35.

На основе актуальной статистики, публикуемой Росстатом по индексам производства в промышленных секторах экономики, специалистами Института Гайдара была проведена декомпозиция и выделение трендовой составляющей рядов выпуска. Результаты обработки для индекса промышленного производства, индекса производства в добыче полезных ископаемых и индекса производства обрабатывающей промышленности представлены на рис. 1–2.

Согласно полученным результатам расчетов, индекс промышленного производства в первом квартале 2019 г. показывает медленный рост аналогично началу 2018 г. Однако источники роста в начале 2018 г. и начале 2019 г. отличаются: в 2019 г. он обусловлен положительной динамикой только обрабатывающего сектора, в то время как добывающий сектор стагнирует, а объемы производства и распределение электроэнергии, газа и воды в первые три месяца 2019 г. медленно падают.

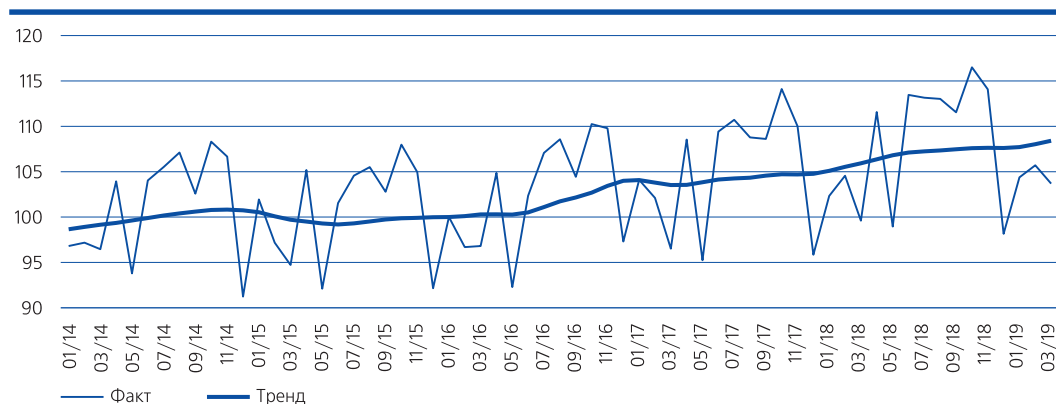
Околонулевые темпы роста добывающего сектора в первом квартале 2019 г. могут быть связаны с продлением соглашения ОПЕК+ по ограничению добычи нефти, с аномально теплым началом года в Европе (что сказывается

на добыче природного газа) и с сокращением экспортных поставок угля.

В полученных результатах расчетов трендовой компоненты выпуска по обрабатывающим отраслям примечательно то, что их динамика в первом квартале 2019 г. является положительной, хотя описанные выше факторы этому не способствовали. (См. таблицу.) Правда, в некоторых отраслях все же факторы роста были. Положительная динамика в пищевой промышленности, возможно, объясняется остаточными эффектами еще продолжающегося импортозамещения, в металлургии – ростом производства отраслей – потребителей выпускаемой продукции (машиностроение, производство транспортных средств) и снятием санкций с «Русала», в химической промышленности – продолжающимся инвестированием в строительство новых производственных мощностей⁴.

Спад продолжается в целлюлозно-бумажном производстве и производстве электрооборудования, электрического и оптического оборудования. (См. таблицу.) Также медленный спад отмечался в первом квартале 2019 г. в обработке древесины и производстве изделий из дерева, хотя отрасль показывала рост

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014–2019 гг., в % к январю 2016 г.

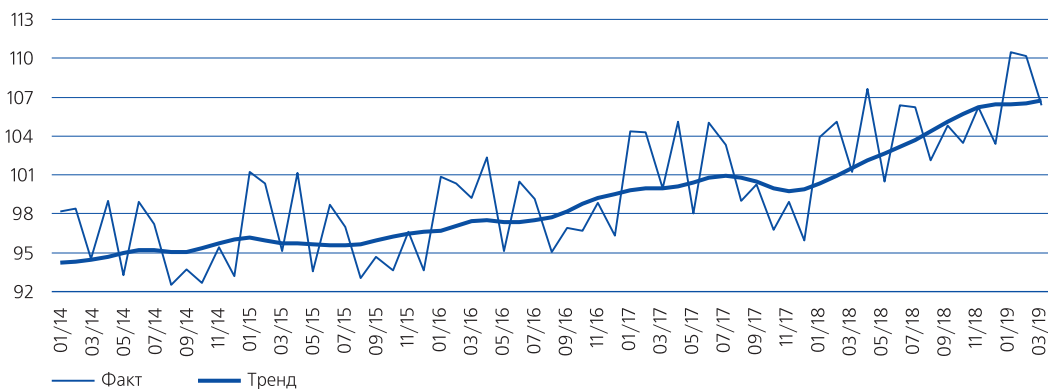

Источник: Росстат, расчеты авторов.

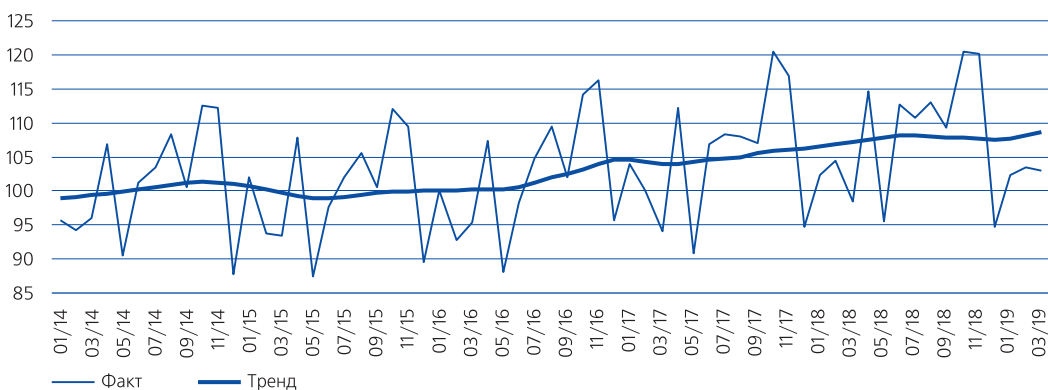
⁴ Долженков А., Маврина Л., Обухова Е. Медленно и печально // Эксперт Online. 25.03.2019. URL: <https://expert.ru/expert/2019/13/medlenno-i-pechalno/>

Рис. 2. Динамика индексов производства по отраслям в 2014–2019 гг.

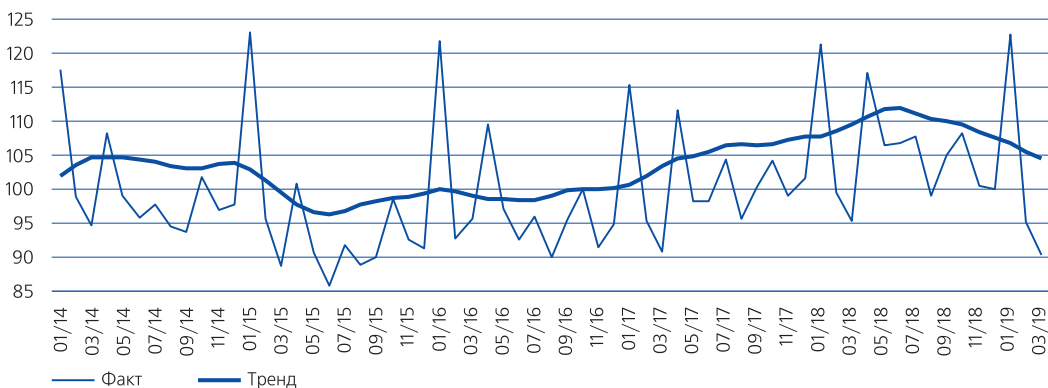
Добыча полезных ископаемых, в % к марту 2017 г.

Обрабатывающая промышленность, в % к январю 2016 г.

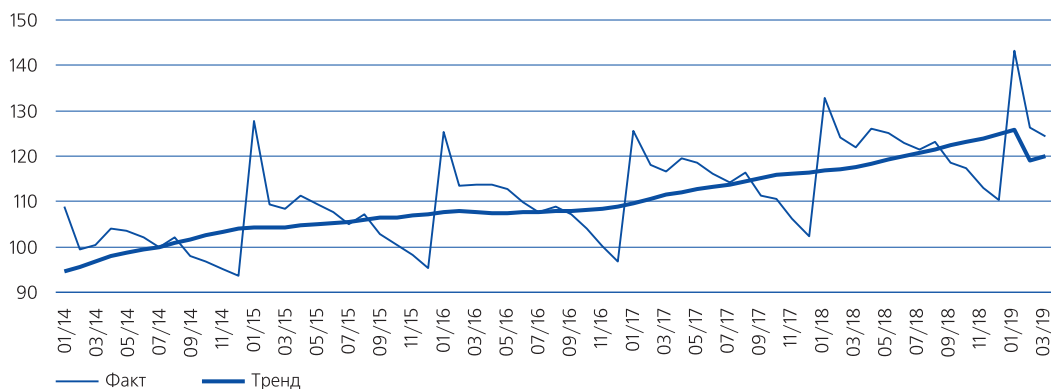

Оборот оптовой торговли, в % к ноябрю 2016 г.

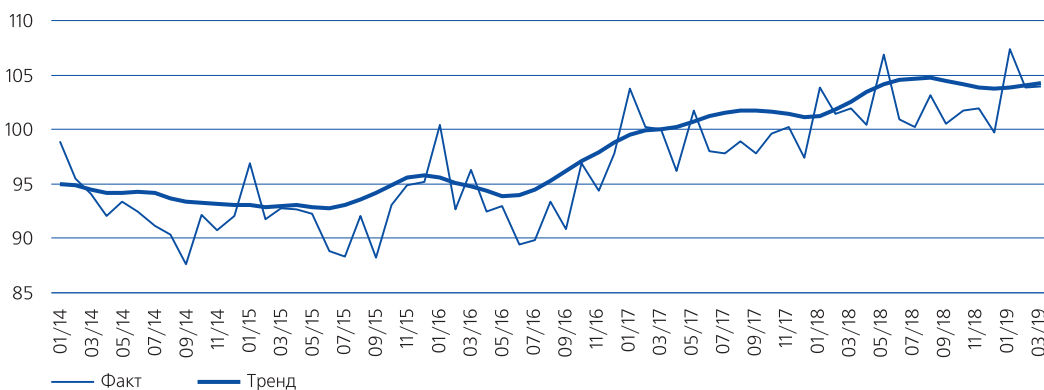

Источник: Росстат, расчеты авторов.

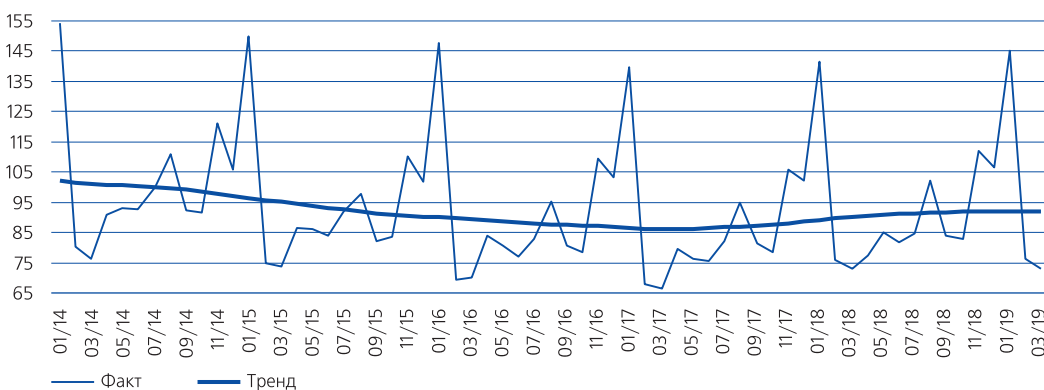
Оборот розничной торговли, в % к июлю 2014 г.

Грузооборот транспорта, в % к марту 2017 г.

Работы, выполненные по виду экономической деятельности «Строительство», в % к июлю 2014 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

весь 2018 г., и в течение года начали работать несколько крупных производственных объектов в лесопромышленном комплексе⁵. В 2019 г. в отрасли также планируется запуск нескольких новых проектов, поэтому к концу года можно ожидать некоторого роста.

Таким образом, анализ динамики трендовых составляющих отраслей промышленности

показал, что рост в первом квартале 2019 г. был обеспечен в первую очередь обрабатывающим сектором. Однако данная ситуация – несмотря на ряд отраслевых факторов положительной динамики – не вполне согласуется с укреплением рубля, сокращением государственного субсидирования в ряде отраслей⁶ и изменениями в налоговой системе.

Изменение индексов производства по отраслям экономики в 2019 г., в %

	Доля в индексе промышленного производства	Март 2019 г. к марту 2018 г.	Март 2019 г. к декабрю 2018 г.	Изменения последних месяцев
Индекс промышленного производства		102,34	100,74	Медленный рост
Добыча полезных ископаемых	34,54	105,10	100,28	Стагнация
Обрабатывающие производства	54,91	101,34	100,93	Медленный рост
в том числе:				
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,34	107,18	102,00	Рост
Текстильное и швейное производство	1,14	109,55	102,79	Рост
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	97,58	104,06	Рост
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	109,95	98,94	Медленный спад
Целлюлозно-бумажное производство	3,35	82,03	93,22	Спад
Производство кокса, нефтепродуктов	17,25	102,06	100,80	Медленный рост
Химическое производство	7,56	112,84	105,46	Рост
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	102,98	102,67	Рост
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	108,58	106,89	Рост
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,42	117,24	105,88	Рост
Производство машин и оборудования	6,97	98,71	100,83	Медленный рост
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	6,27	100,72	98,93	Медленный спад
Производство транспортных средств и оборудования	6,75	75,87	104,59	Рост
Прочие производства	2,42	105,13	99,64	Стагнация
Электроэнергия, газ и вода	13,51	98,39	99,52	Стагнация
Оптовая торговля		95,47	97,22	Спад
Розничная торговля		101,88	95,96	Спад
Грузооборот		101,64	100,47	Стагнация
Строительство		101,90	100,00	Стагнация
Объемы платных услуг населению		102,00	100,44	Стагнация

Источник: Росстат, расчеты авторов.

⁵ Лесопромышленный комплекс: итоги 2018 и планы на 2019 год. Взгляд Минпромторга России // Продерево. 17.04.2019. URL: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/lesopromyshlennyj-kompleks-itogi-2018-i-planj-na-2019-god-vzglyad-minpromtorga-rossii.html>

Кроме того, рост в обрабатывающем секторе сопровождается спадом в оптовой и розничной торговле, околонулевыми темпами роста грузооборота и строительства. В отсутствие фундаментальных факторов положительной динамики в обрабатывающем секторе в целом рост, зафиксированный статистически, может быть связан либо с искажениями в сборе и обработке данных Росстатом (ко-

торые могут быть устранены при последующих досчетах и корректировках статистики), либо с так называемой проблемой «виляющего хвоста», возникающей при выделении трендовой составляющей в последних точках временного ряда. Последующие наблюдения будут способствовать уточнению оценок динамики выпуска секторов российской экономики и их интерпретации. ■

The Output Dynamics in Q1 2019: Growth in Manufacturing Industries

Andrey S. Kaukin – Head of Department for System Analysis of Sectoral Markets, Institute of Industry and Markets Infrastructures, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of Sectoral Markets and Infrastructure Department of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences (Moscow). E-mail: kaukin@ranepa.ru

Eugenia M. Miller – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow). E-mail: miller-em@ranepa.ru

Late in 2018, the manufacturing sector of the Russian economy saw stagnation; industries which received state support or took advantage of the favorable global market situation were on the rise. As seen from the data of the beginning of 2019, most manufacturing industries have growth. For some exceptions (for example, the food industry, the chemical industry and the iron and steel industry), this situation does not quite agree with previous trends, dynamics of fundamental factors, the recession in the wholesale and retail trade and stagnation in the cargo turnover and the building industry.

Key words: industrial production, manufacturing, growth rates, production indices, decomposing, trend component, tax regulation.

---

⁶ Господдержка спроса на авто и общественный транспорт в РФ в 2019 году снизится в 2,6 раза // ТАСС. 25.02.2019.
URL: <https://tass.ru/ekonomika/6157449>

РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ОЦЕНКА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ*

С. В. ЦУХЛО

По данным 2018–2019 гг., российская промышленность достаточно обеспечена производственными мощностями. Более 90% производителей располагают необходимыми (или в ряде случаев даже избыточными по сравнению с ожидаемым ими спросом) мощностями. От их дефицита страдает не более 10% промышленных предприятий.

Ключевые слова: промышленность, производственные мощности, прогноз спроса, прогноз выпуска, опрос предприятий, инвестиционные предпочтения.

Незначительный дефицит мощностей регистрируется в российской промышленности с 2009 г. В предкризисные 2007–2008 гг. их недостаток достиг исторического максимума за весь период наших опросов (1993–2019 гг.) и составлял по среднегодовым данным 18%. На эти же годы пришелся исторический минимум числа предприятий с избыточными мощностями — так оценивали ситуацию в те годы 14% предприятий.

В результате баланс ответов «более чем достаточно» минус «менее чем достаточно» для тех двух предкризисных лет сложился отрицательным. Промышленность единственный раз за много лет наблюдений признала дефицит мощностей. Однако даже тогда абсолютное большинство предприятий (67%) считало свои мощности достаточными для удовлетворения растущего спроса.

Впрочем, был в новейшей истории российской промышленности период, когда большинство предприятий считало свои мощности избыточными. В 1996–1998 гг. доля среднегодовых оценок мощностей как «более чем достаточных в связи с ожидаемыми изменениями спроса» находилась в интервале 53–57%, что стало абсолютным максимумом этого показателя. Дефицит мощностей в эти годы имели только 4–5% предприятий (абсолютный минимум).

Относительная стабильность в оценках мощностей после кризиса 2008–2009 гг. объясняется сочетанием стабильной загрузки мощностей и снижением оптимизма в прогнозах спроса, выпуска и занятости.

После преодоления кризисного спада 2009 г. загрузка производственных мощностей достигла 68% в 2012 г. В 2013–2018 гг. этот показатель оставался практически на одном уровне, демонстрируя незначительные колебания в интервале 66–68%.

Склонность промышленности к росту (средняя доля прогнозов спроса, выпуска и занятости) после выхода отрасли из кризиса 2008–2009 гг. не достигла уровня, регистрировавшегося в 2000–2008 гг. — тогда этот индикатор находился в интервале 28–32%, рухнув в кризисном 2009 г. до 16%. Лучшее значение после кризиса составило 26% в 2011 г. С началом стагнации 2012–2016 гг. склонность промышленности к росту снизилась сначала на 4 п.п., затем еще на 3 пункта. В результате лишь 18% предприятий в 2016 г. ожидали роста спроса, выпуска и занятости. В 2017 г. с попыткой выхода из стагнации склонность к росту достигла 21%, но в 2018 г. вновь снизилась до 19%. Склонность же к стагнации в 2018 г. достигла исторического (1996–2018 гг.) максимума — 67% предприятий не ожидали никаких изменений своих основных показателей.

Цухло Сергей Владимирович, заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва). E-mail: tsukhlo@iep.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» №8 (91) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

В такой ситуации промышленность считает вполне достаточным скромный объем инвестиций, которые вкладываются в собственное производство предприятиями в последние годы. В 2018 г. доля ответов «достаточно» выросла до 74% и достигла очередного рекорда за весь период мониторинга этого показателя.

«Географические» планы закупок оборудования российскими предприятиями в 2019 г. показали продолжение отказа от продукции западноевропейских и начало отказа от продукции российских производителей в пользу машин из стран СНГ, Китая и Индии. На сегодня основным фактическим поставщиком оборудования для российской промышленности постепенно становятся отечественные производители, Западная Европа опускается на 2-е место, а на 3-е место поднимаются Китай и Индия.

Однако с точки зрения инвестиционных предпочтений российских предприятий рейтинг стран – производителей машин и оборудования выглядит по-иному.

1-е место по-прежнему уверенно занимает западноевропейское оборудование, хотя его позиции и снизились (влияние санкций и усилий по импортозамещению). Сейчас 60%

российских предприятий хотели бы закупать западноевропейское оборудование. А в 2011 г. таких было 78%.

Отечественное оборудование за год потеряло 4 пункта в рейтинге предпочтений своих же, российских, покупателей и осталось на 2-м месте. Американские и японские машины за год практически не изменили свои позиции и остаются желанными для 28% российских предприятий. На 4-м месте закрепились производители из Китая и Индии, добившись в текущем году расположения 14% российских предприятий.

В 2018 г. мы впервые задали предприятиям вопрос о соотношении цены и качества машин и оборудования, произведенных в России и СНГ и в странах дальнего зарубежья.

Подавляющая часть российских предприятий (85%) считают качество импортного оборудования выше качества произведенного в России и странах СНГ. При этом 84% сообщили о более высоких ценах на импорт.

Лишь 19% предприятий, оценивая соотношение цена-качество, говорят о явном преимуществе российского либо импортного оборудования. Более 80% предприятий считают, что при покупке оборудования приходится делать сложный выбор между ценой и качеством. ■

The Russian Industry: Estimation of Production Capacities

Sergey V. Tsukhlo – Head of Business Surveys Department of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tsukhlo@iep.ru

According to the data of 2018–2019, the Russian industry is fairly equipped with production capacities. Over 90% of manufacturers have the required production capacities (or in some cases even excessive ones in terms of the expected demand). The shortage is experienced by maximum 10% of industrial enterprises.

Key words: industry, production capacities, demand forecast, output forecast, business surveys, investment preferences.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (февраль-май 2019 г.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
И. А. БАШИРОВА
Т. В. СЕРЖАНТОВА

В феврале 2019 г. диффузный индекс выпуска восстановился после январского «обвала» и составил 45 пунктов, а диффузный индекс заработной платы снизился до 38 пунктов, что является минимальным значением за последние три года.

Заметно (на 20 п.п.) сократилась доля финансово благополучных предприятий — она опустилась до 68%, хотя всего два месяца назад этот показатель достигал исторического максимума в 94%.

Ключевые слова: Россия; промышленность; промышленные предприятия; уровень цен; заработная плата; занятость; производство; инвестиции; банковская задолженность; объем заказов; объем запасов готовой продукции; загрузка производственных мощностей; банкротство; экономическая политика; продолжительность кризиса.

ФЕВРАЛЬ 2019 г.

Цены

Падение цен на свою продукцию отметили 3% предприятий, о неизменности сообщили 74%, о повышении — 23%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 57%, не менялись — у 43% и ни у кого не снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 23% респондентов, благоприятный не отметил никто. По мнению остальных 77%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали производители строительных материалов (100%), в лесопромышленном комплексе (50%) и в металлургии (30%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили 17% предприятий, о сохранении на прежнем уровне — около 43%, о снижении — 40%.

В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц не изменилась (в предыдущем месяце также не менялась). Для промышленных предприятий—респондентов ее средний уровень составил 27 900 руб., а для сельскохозяйственных — 21 700 руб.

Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили в промышленности 54 900 руб., а в сельском хозяйстве — около 36 100 руб.

Занятость и производство

Около 58% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предприятиях, 23% отметили ее сокращение и 19% — увеличение.

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; Егоров Андрей Станиславович, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; Баширова Инесса Анатольевна, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), bashirova@imemo.ru; Сержантова Татьяна Валентиновна, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: serzhantova@imemo.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 35% руководителей, 19% отметили сохранение прежних объемов выпуска и 45% – уменьшение.

Инвестиции

Около 10% респондентов отметили рост закупок оборудования, 40% указали на неизменность данного показателя и 13% – на его сокращение. Остальные – 37% предприятий – не закупили оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в январе 2019 г. – 45%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 79% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад – столько же – 79%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 68% предприятий остался неизменным, у 10% он пополнился и у 23% – «похудел». Рост заказов отмечали в основном в легкой промышленности (около 30%) и в машиностроении (12%).

В среднем по выборке объем заказов составил 78% от нормального месячного уровня (в январе – 85%). Самый высокий уровень заказов в феврале 2019 г. держался в химической промышленности (95%), лесопромышленном комплексе (90%) и в легкой промышленности (85%), а самым низким он был у производителей строительных материалов (53%) и в пищевой отрасли (63%).

Запасы готовой продукции

Около 11% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 31% отметили их уменьшение и около 58% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 93% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад – 83%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы у производителей строительных материалов (158%), у металлургов (108%) и на предприятиях химической и легкой промышленности (по 100%). А самыми незначительными – на предприятиях лесопромышленного комплекса и пищевой отрасли (по 63%).

Таблица 1

Отраслевые показатели за февраль 2019 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Заказы	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	75	78	108	77	-	50
Машиностроение и металлообработка	74	84	88	79	72	71
Химия и нефтехимия	100	95	100	95	-	100
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	85	80	63	90	58	100
Производство стройматериалов	63	60	158	53	135	50
Легкая промышленность	90	92	100	85	100	66
Пищевая промышленность	85	98	63	63	90	50
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	77	84	93	78	79	68
АГРОСЕКТОР	72	83	50	64	66	60

* – Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, %.

Источник: опросы РЭБ.

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 77% от нормального уровня (в предыдущем опросе – 82%). Около 13% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 29% – более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия химической (около 100%) и легкой (90%) промышленности, пищевой отрасли и лесопромышленного комплекса (по 85%), а самой низкой она была у производителей строительных материалов (63%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 84% от нормального уровня (в предыдущем месяце – 91%). У 6 предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2, а у 50% ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 3% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хорошее», 65% посчитали его «нормальным» и 32% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Факторы, ограничивающие капиталовложения (за 6 месяцев)

На нехватку финансовых средств у предприятий, как на одну из главных причин, сдерживающих капвложения, указали 48% руководителей. Далее идут: высокие цены на оборудование и строительство (39%), неясность общей обстановки (29%) и высокий банковский процент (19%). Меньшее значение имели избыток производственных мощностей (13%) и низкая прибыльность инвестиционных проектов (6%).

Чаще всего на нехватку финансовых средств для капитальных вложений указывали в металлургии (75%), в машиностроении (59%) и в лесопромышленном комплексе (50%). Высокие цены на оборудование и строительство больше других беспокоили

представителей лесопромышленного комплекса (95%), легкой промышленности (67%), металлургии и пищевой отрасли (по 55%). Неясность общей обстановки чаще всего отмечали производители строительных материалов (100%), представители легкой промышленности (67%) и лесопромышленного комплекса (45%). Дороговизна кредитов наиболее остро ощущалась на предприятиях химической промышленности (100%), пищевой отрасли (55%) и лесопромышленного комплекса (45%). Избыток производственных мощностей чаще всего отмечали производители строительных материалов (50%) и в легкой промышленности (30%). Малая прибыльность инвестиционных проектов сильнее всего сдерживала капвложения на предприятиях, производящих строительные материалы (50%), и в машиностроении (6%).

ПРОГНОЗЫ НА МАЙ 2019 г.

Цены

Подорожание своей продукции к маю 2019 г. (по сравнению с февралем 2019 г.) предсказывают 43% респондентов, 53% не ждут изменений, а у 3% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 80, 20 и 0%.

Средний по выборке ожидаемый к маю 2019 г. прирост цен составит 3%, в том числе 2% для производимой и 4% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются производители строительных материалов: оценки трехмесячного роста «входящих» цен здесь примерно на 8 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей он ожидается в промежутке от 0 до 3 пунктов.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 20%, понижения – 10% и сохранения на прежнем уровне – около 70% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата сохранится без изменений.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают 27% участников опроса, у 60% она не изменится и у оставшихся 13% – возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 37% респондентов, рост – тоже 37%, остальные 27% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 23%, не изменится – у 60% и «похудеет» – у 17% предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали в легкой промышленности (60%), в пищевой отрасли (50%) и в машиностроении (24%).

Инвестиции

По сообщению 41% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки увеличатся на 4%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 10% предприятий выборки, не изменится – у 24% и у 21% – уменьшится. Остальные – 45% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 9% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 13% предприятий, 10% предполагают его ухудшение и примерно у 77% оно не изменится. (См. табл. 2.)

Таблица 2
Отраслевые прогнозы на май 2019 г., в % (февраль 2019 г.=100%)

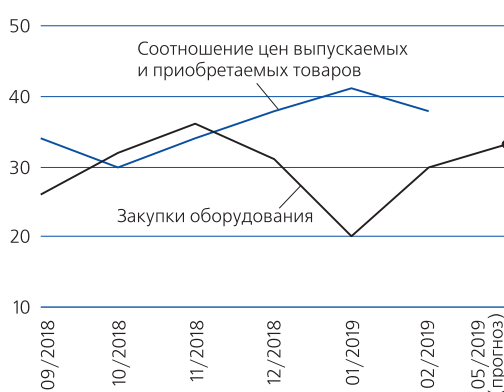
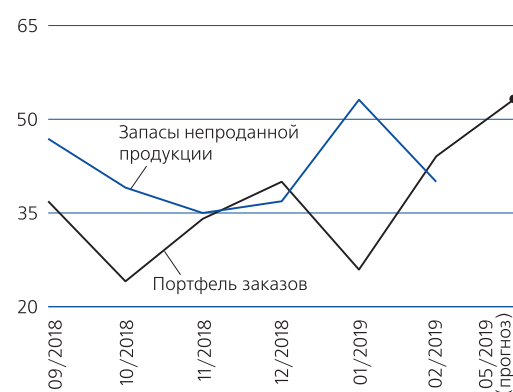
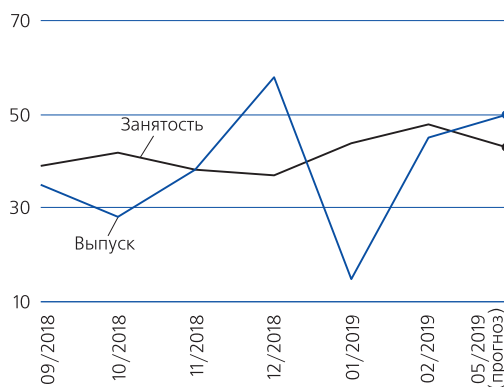
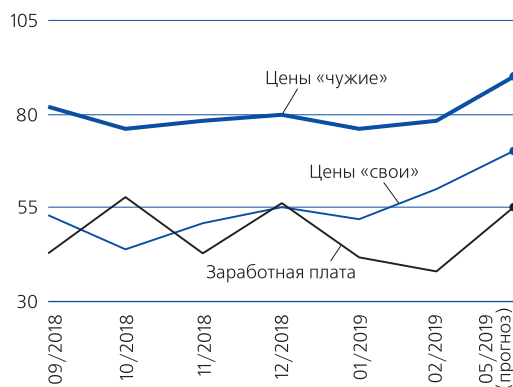
	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	101	103	100	100	100	-	50	50
Машиностроение и металлообработка	102	104	100	98	107	10	47	53
Химия и нефтехимия	100	102	100	98	-	12	50	0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	100	103	98	97	100	8	100	50
Производство стройматериалов	102	110	100	93	100	10	50	50
Легкая промышленность	101	104	100	100	100	2	66	83
Пищевая промышленность	103	103	100	100	100	12	50	50
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	102	104	100	98	104	9	52	53
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	101	9	49	43

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (%), чей показатель к маю 2019 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

Диффузные индексы, в %

Таблица 3
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	09/18	10/18	11/18	12/18	01/19	02/19	05/19 (прогноз)**
Цены «свои»	53	44	51	55	52	60	70
Цены «чужие»	82	76	78	80	76	78	90
Зарботная плата	43	58	43	56	42	38	55
Занятость	39	42	38	37	44	48	43
Выпуск	35	28	38	58	15	45	50
Портфель заказов	37	24	34	40	26	44	53
Запасы непроданной продукции	47	39	35	37	53	40	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	34	30	34	38	41	38	-
Закупки оборудования	26	32	36	31	20	30	33

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Май 2019 г. по сравнению с февралем 2019 г.

Источник: опросы РЭБ.

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В феврале 2019 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен не отметили ни на одном из предприятий-производителей потребительских товаров и на 13% – в секторе инвестиционных. Ощутивших улучшение не оказалось ни в первом секторе, ни во втором.

Предполагается, что к маю 2019 г. цены повысятся на 2% в секторе потребительских товаров и на 1% – в секторе инвестиционных. Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководителей предприятий, возрастут на 4% в первом и на 3% – во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В феврале 2019 г. она составила 80% в потребительском и 76% – в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 63% от нормального месячного уровня в первом и 81% – во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 33% предприятий потребительского и 20% инвестиционного сектора, а уменьшения – 33% в первом и 13% во втором секторе.

Финансовое положение

Как «плохое» в феврале 2019 г. его оценили 33% производителей потребительского и 40% инвестиционного сектора, как «нормальное» – 50 и 60% предприятий соответственно. В потребительском секторе 17% руководителей считают финансовое состояние своих предприятий «хорошим», а в инвестиционном секторе таких предприятий не оказалось.

К маю 2019 г. ожидают улучшения своего финансового состояния 33% производителей потребительского сектора и никто не ожидает в секторе инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 33% в первом и 7% – во втором секторе.

СРАВНЕНИЕ ФЕВРАЛЯ 2019 г. С ФЕВРАЛЕМ 2018 г.

Соотношение цен и издержек

Ухудшился баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен: год назад неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили 21% респондентов, а благоприятный – 3%; в феврале 2019 г. таковых оказалось 23 и 0% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 26%, о снижении – 8% предприятий; ныне – 17 и 40% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в феврале 2018 г. составила 6:11, а в феврале 2019 г. – 23:19.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2018 г. – 30:41, а в 2019 г. – 45:35.

Инвестиции

Увеличилась доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд: с 29% в феврале 2018 г. до 37% ныне.

Кредит

Относительная задолженность банкам предприятий-должников за год увеличилась на 8 п.п.: с 71% (от нормального месячного уровня) в феврале 2018 г. до 79% в феврале 2019 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время снизилась на 5 п.п.: с 60% в 2018 г. до 55% ныне.

Портфель заказов

В худшую сторону изменился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополнившимся портфелем и «похудевшим» составляла 16:21, а ныне – 10:23. Его относительная наполненность за это время уменьшилась на 9 п.п.: с 87% в 2018 г. до 78% в 2019 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В лучшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в феврале 2018 г. оно равнялось 11:25, а в феврале 2019 г. – 11:31. При этом относительный объем запасов за год уменьшился на 2 п.п.: с 95% в 2018 г. до 93% в 2019 г.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она сократилась на 5 п.п.: с 82% (относительно нормаль-

ного месячного уровня) в феврале 2018 г. до 77% в феврале 2019 г. При этом число предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, увеличилось на 2 п.п.: с 11% в 2018 г. до 13% в 2019; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, уменьшилась на 9 пунктов: с 38% в 2018 г. до 29% в 2019 г.

Загрузка рабочей силы

За год она заметно уменьшилась: с 94% (от нормального уровня) в феврале 2018 г. до 84% в феврале 2019 г. В 2018 г. ни на одном из предприятий выборки рабочая сила не была занята менее чем на 1 2; ныне таких предприятий 6%.

Финансовое положение

Уменьшилась доля финансово благополучных предприятий: с 76% в 2018 г. до 68% в 2019 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен увеличился: с +0,7% в феврале 2018 г. до +1% в феврале 2019 г..

Таблица 4
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия			+1	-2	0	-
Машиностроение и металлообработка	+2	+1	0	-2	+5	+1
Химия и нефтехимия	0	+1	-2	0	-	+4
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	-3	0	-5	-2	0	-
Производство стройматериалов	+1	+6	0	-7	0	-6
Легкая промышленность	-2	-1	-2	-1	-3	-10
Пищевая промышленность	+3	-3	0	0	-17	0
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	+1	+1	-1	-3	-1	-1
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	-1	0

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в феврале 2019 г. и в феврале 2018 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

Ухудшились прогнозы, связанные с объемом портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 24% и 8% предполагали его сокращение; ныне – соответственно 23 и 17%.

В худшую сторону изменились показатели инвестиционной активности предприятий: год назад около 31% предприятий не закупили и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 41%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 6% предприятий ожидали ее роста и 20% – сокращения; в феврале 2019 г. эти показатели составили 10 и 21% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 21% и ухудшения – 8% предприятий; ныне эти показатели составили 13 и 10% соответственно. (См. табл. 4.) ■

Survey of Current Business (February–May 2019)

Sergey P. Aukutsionek – Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Inessa A. Bachirova – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bachirova@imemo.ru

Tatyana V. Serzhantova – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: serzhantova@imemo.ru

In February 2019, the diffusion index of output recovered after the January «collapse» and amounted to 45 points, while the diffusion index of wages dropped to 38 points, which is the minimum value for the past three years.

The share of financially well-to-do enterprises decreased noticeably (by 20 percentage points) and amounted to 68%, although only 2 months ago this indicator reached its historic high value of 94%.

Key words: industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, risk of bankruptcy, economic policy, crisis duration.

Агросектор

ГОСПРОГРАММА КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: АНАЛИЗ ПРОЕКТА*

В. Я. УЗУН

Минсельхоз России подготовил проект Государственной программы комплексного развития сельских территорий (ГП КРСТ) на 2020–2025 гг.¹. Принципиальное отличие новой программы от действующей ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (УРСТ) состоит в резком росте запрашиваемого бюджетного финансирования и кардинальном изменении способов его распределения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Госпрограмма комплексного развития сельских территорий, Минсельхоз России.

Расходы на действующую ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» в течение последних шести лет составили 191,4 млрд. руб.; в новой же программе предлагается потратить на эти цели в предстоящие шесть лет 1376 млрд. руб. (в 7,2 раза больше). В наибольшей степени планируется увеличить расходы из федерального бюджета – с 79 до 1057 млрд. руб. (в 13,4 раза). Затраты консолидированных бюджетов субъектов РФ планируется увеличить в 1,4 раза, из внебюджетных источников – в 5,2 раза. В 2017 г. расходы федерального и региональных бюджетов были примерно равны, однако теперь из федерального бюджета предлагается выделять на сельское развитие в 10 раз больше средств, чем из региональных. (См. табл. 1.)

В проекте указаны три основных цели Госпрограммы:

- повышение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств с 68% в 2018 г. до 75% к 2025 г.;
- увеличение доли жилых помещений, оборудованных всеми видами благоустройства;
- сохранение не менее 2900 сельских поселений с численностью до 500 человек. Для достижения указанных целей проектом предусмотрено осуществление трех подпрограмм (они же именуется ведомственными целевыми программами):
  - *аналитическое, нормативное и методическое обеспечение комплексного развития сельских территорий.* Подпрограммой предусмотрены выполнение всех индикаторов Госпрограммы на 100%, активизация участия граждан, организаций и муниципальных образований в реализации инициативных проектов комплексного развития территорий в 14,5 тыс. сельских населенных пунктов;
  - *комплексное развитие сельских территорий.* Намечены ввод (приобретение) жилья для граждан, проживающих в сельской местности (5561,9 тыс. кв. м за шесть лет) и достижение приведенной выше цели 2;

Узун Василий Якимович, главный научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; главный научный сотрудник Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, д-р экон. наук, профессор, e-mail: uzun@ganepa.ru

* – Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 7 (90) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ URL: https://regulation.gov.ru/Entities/Npa_Text (на 22.03.2019 г.).

- *современный облик сельских территорий.*

Подпрограмма обеспечивает достижение приведенных выше целей 1 и 3.

В дополнение к целям, подпрограммам и мероприятиям в проекте приведены 20 целевых показателей. Некоторые из них соответствуют целям программы, подпрограмм и намеченных мероприятий. Вместе с тем часть целевых показателей никак не увязана с ними, некоторые индикаторы указаны лишь за отдельные годы.

В проекте отсутствует единая таблица с перечнем мероприятий и их ресурсным обеспечением. (В табл. 2 представлены все мероприятия и планируемые на их осуществление финансовые ресурсы.)

Программой предусмотрена реализация трех групп мероприятий. Но, несомненно,

главной из них является осуществление инициативных проектов сельских муниципалитетов, отдельных жителей и их групп, бизнеса. На эту меру предполагается израсходовать почти 1,2 трлн. руб., т.е. 85% всех средств Программы. (Отметим, что в программе развития сельских территорий стран ЕС на аналогичное мероприятие (программа «LIEDER») расходуется 6–7% средств.) Судя по приведенным данным, в среднем на один сельский населенный пункт, осуществляющий инициативный проект, будет выделяться около 60 млн. руб. – это достаточно большая сумма даже для крупных сел. При этом основные направления расходования средств не обозначены и критерии поддержки не указаны. (Для сравнения: в программу сельского развития США включено семь направлений политики, 60 мероприятий

Таблица 1
Финансирование действующей ФЦП УРСТ и новой программы КРСТ, млрд. руб.

Год	Всего	В том числе:		
		Федеральный бюджет	Региональные бюджеты	Средства внебюджетных источников
Действующая ФЦП УРСТ				
2014	38,1	10,2	16,7	11,1
2015	31,7	12,2	12,0	7,5
2016	31,7	12,1	13,0	6,6
2017	35,8	14,9	14,5	6,5
2018*	25,0	13,6	6,1	5,3
2019*	29,1	15,9	7,1	6,1
Итого за шесть лет	191,4	78,9	69,4	43,1
Проект новой Госпрограммы КРСТ				
2020	100,0	74,8	8,3	16,9
2021	208,4	160,6	14,1	33,6
2022	250,0	193,1	16,1	40,7
2023	261,0	201,0	17,2	42,7
2024	272,4	209,3	18,3	44,9
2025	284,4	217,9	19,5	47,0
Итого за шесть лет	1376,2	1056,7	93,7	225,8

* – В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15.07.2013 г. № 598.

Источник: данные за 2014–2017 гг. – Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. URL: <http://government.ru/docs/27573/>; данные за 2018–2019 гг. – Постановление Правительства РФ от 15.07.2013 г. № 598, URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016/>; данные за 2020–2025 гг. – Проект Госпрограммы устойчивого развития сельских территорий. URL: https://regulation.gov.ru/Entities/Npa_Text (на 22.03.2019 г.).

Таблица 2
Финансирование мероприятий проекта Госпрограммы КРСТ, млн. руб.

	2020–2025 гг.					2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
	млн. руб.	в % к итогу									
I. ВЦП «Федеральные мероприятия по комплексному развитию сельских территорий»	207 331	15,1	31 391	34 479	30 061	33 460	37 067	40 872			
Льготная сельская ипотека	73 727	5,4	5729	8098	10 665	13 421	16 356	19 459			
Строительство социального жилья	28 947	2,1	6579	6579	3947	3947	3947	3947			
Улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности	6015	0,4	1504	1504	752	752	752	752			
Развитие газификации в сельской местности	2998	0,2	1463	1535	0	0	0	0			
Развитие водоснабжения в сельской местности	3212	0,2	1576	1635	0	0	0	0			
Развитие сети автомобильных дорог, ведущих к общественно значимым объектам сельских населенных пунктов, объектам производства и переработки сельскохозяйственной продукции	90 008	6,5	13 476	14 028	14 632	15 275	15 948	16 649			
Реализация проектов комплексного обустройства площадок под компактную жилищную застройку в сельской местности	2034	0,1	999	1035	0	0	0	0			
Поощрение и популяризация достижений в сфере развития сельских территорий	390	0,0	65	65	65	65	65	65			
II. ВЦП «Современный облик сельских территорий»	1168 639	84,9	68 507	173 889	219 878	227 477	235 352	243 535			
III. ВЦП «Аналитическое, нормативное, методическое обеспечение комплексного развития сельских территорий»	239	0,0	102	32	27	27	27	27			
Всего по паспорту проекта	1376 209	100	100 000	208 400	249 965	260 964	272 446	284 434			

Источник: составлено на основе проекта Госпрограммы устойчивого развития сельских территорий URL: https://regulation.gov.ru/Entities/Npra_Text (на 22.03.2019 г.).

с указанием объемов финансирования и правил выбора участников для каждого из них.)

Признание инициативных проектов главным мероприятием ГП КРСТ нацелено на стимулирование активности селян. Распределение средств планируется на конкурсной основе. Отбор победителей будет осуществляться комиссией Минсельхоза России. Такой механизм несет в себе риски коррупции и несправедливого распределения. Чиновники тем самым едва ли смогут обработать и адекватно оценить множество инициатив граждан и организаций.

Кроме того, проектом предусмотрено, при прочих равных условиях, отдавать предпочтение населенным пунктам, где есть рабочие места и выше удельный вес софинансирования за счет внебюджетных источников. Это означает, что поселения с высоким уровнем безработицы, низкими доходами населения, низкой бюджетообеспеченностью будут проигрывать конкурсы, а соответственно, ускорится их деградация. Такой подход чреват рецидивом «советской эпопеи» ликвидации неперспективных деревень.

Конкурсная система предполагает поддержку сильных и инициативных предприятий, при том что они нуждаются в другом — избавлении от законодательных и административных ограничений. В государственных же средствах нуждаются слабые. Новая политика может оказаться ориентированной на инициативы крупного бизнеса, который, предсказуемым образом, будет выступать с предложениями по строительству агрогородков и их обустройству за счет Госпрограммы. Не для этих ли целей предназначены предусмотренные проектом 39 площадок для комплексной застройки?

Для того чтобы поддержать население всех сел и деревень, целесообразно рассмотреть социально справедливый вариант распределения средств. Например, средства на инициативные проекты могут быть разделены между всеми сельскими поселениями пропорционально числу жителей, субсидия в расчете на одного человека составит при этом примерно

30 тыс. руб. Каждому селу и муниципалитету следует предоставить право выбора инициативных проектов исходя из местных нужд, но их стоимость не должна превышать выделенного лимита на данное поселение: если в сельском поселении 1000 человек, то оно получит право на составление инициативных проектов на 30 млн. руб.

По каждому инициативному проекту поселение должно составить бизнес-план с последующим его рассмотрением на уровне района. В Москву отправлять эти проекты на утверждение нет смысла — из столицы маленькие деревеньки не видны. Такой алгоритм справедливее, чем конкурсное распределение средств: он будет способствовать росту активности сельского населения, особенно в небольших поселениях, а коррупция окажется сведенной до минимума.

Другой вариант политики может быть разработан на основе формулирования конкретных задач, решение которых государство обязуется полностью или частично финансировать во всех сельских населенных пунктах, где проживает определенное количество жителей (допустим, не менее 20–50 человек). В нынешних обстоятельствах такими задачами могут быть: доступ к Интернету, освещение сельских улиц, твердое покрытие улиц, субсидирование замены не удерживающих тепло окон и дверей на современные пакетные, замена печного отопления на паровое, установка сетевого или автономного электро-, водо- и газоснабжения, бойлеров для обогрева воды, установка септика и замена холодного уличного туалета на теплый.

Следует отметить, что объекты социальной сферы аграрных территорий, равно как и развитие сельской экономики, находятся в зоне ответственности муниципалитетов. Но ни полномочий, ни финансовых средств на решение указанных задач у них нет. В новой Госпрограмме они даже не упоминаются как основные исполнители — решение всех задач возложено на федеральные и региональные органы управления.

В нынешних условиях образование, здравоохранение, культура, автодороги, газификация и т.д. могут и должны финансироваться через национальные проекты. Специальная программа развития сельских территорий необходима для придания импульса развитию

сельской экономики, обеспечения занятости и повышения доходов сельских жителей. Если у населения будут высокие доходы, у муниципалитетов – налоговые поступления, село получит возможность саморазвития, не надеясь лишь на дотации свыше. ■

State Program of Integrated Development of Rural Territories: Project Analysis

Vasily Ya. Uzun – Main Researcher of the Center Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Main Researcher of the Gaidar Institute, Doctor of Economic Sciences, Professor.
E-mail: uzun@ranepa.ru

Agriculture Ministry of Russia has developed a draft of the State program of integrated development of rural territories (SP IDRT) for 2020–2025. Fundamental difference of the new program from the current Federal Target Program “Sustainable development of rural areas for 2014–2017 and the period up to 2020” is in upsurge of required budget allocations and drastic change in the ways of their distribution.

Key words: agriculture, State Program for overall development of rural areas, Ministry of Agriculture of Russia.

Финансовый сектор

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР: КАК СТРОИТЬ ПРОГНОЗ ЕГО РАЗВИТИЯ*

А. Л. ВЕДЕВ

После значительных потрясений, которые пережили российская экономика и финансовая система в последние несколько лет, разработка долгосрочного прогноза развития финансового сектора приобретает особую актуальность. Экономическим агентам крайне важно понимать, что будет происходить с российской финансовой системой в обозримом будущем. Варианты прогноза должны строиться с учетом влияния на финансовый сектор неэкономических (геополитика) и технологических (цифровые технологии) факторов.

Ключевые слова: финансовый сектор, сценарии развития финансового сектора, ВВП, банковские активы, банковские пассивы, банковские кредиты, банковские депозиты, обменный курс, долговые инструменты.

При разработке долгосрочного прогноза развития российского финансового сектора представляется целесообразным ориентироваться на сценарии социально-экономического развития, предлагавшиеся Минэкономразвития России в 2014–2017 гг. Логика выбора из предлагаемого набора сценариев следующая. Рассматривается консервативный вариант, предполагающий негативный вариант внешней конъюнктуры и оценивающий возможности государства по выполнению социальных и других обязательств. Далее рассматривается наиболее вероятный, базовый, сценарий. Третий, целевой, сценарий оценивает условия и возможности национальной экономики для достижения намеченных Президентом РФ показателей в среднесрочной перспективе.

Консервативный сценарий представляется в виде пессимистичного, или вероятно негативного. Он ориентирован на построение консолидированного бюджета и оценку возможности его выполнения (в том числе и государственных программ) в случае реализации наиболее неблагоприятных условий.

Базовый сценарий предполагает наиболее вероятное и инерционное развитие экономики при относительно благоприятных внешних условиях, но без структурных реформ.

Наконец, **целевой сценарий**, основанный на требованиях прошлогоднего майского Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», предполагает увеличение темпов роста ВВП до 4% и выше с учетом реализации реформ и создания условий для экономического роста.

Отметим, что все три сценария содержат перечень ключевых макропоказателей, которые могут быть положены в основу исследований возможного развития национальной финансовой сферы.

Основные варианты прогноза разработаны с учетом сохранения в среднесрочной перспективе антироссийской санкционной политики и ответных экономических мер со стороны России, отсутствия новых геополитических потрясений и экономических шоков. Они основываются на гипотезе сохранения макроэко-

---

Ведев Алексей Леонидович, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, д-р экон. наук, e-mail: vedev-al@ranepa.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 7 (90) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

номической и финансовой стабильности при выполнении принятых социальных и внешнеполитических обязательств.

Все они, далее, базируются на единой гипотезе роста мировой экономики на 3,7% в 2017–2019 гг. и постепенного замедления годового прироста к 2035 г. до 3%. Это замедление станет результатом нарастания ресурсных ограничений, включая исчерпание эффекта быстрого прироста населения трудоспособного возраста в развивающихся странах и эффекта «догоняющего» роста технологического уровня производства в странах демографического бума.

Представленные сценарии, определяя основные макроэкономические параметры, соответственно, предполагают в их рамках и различные направления развития финансового сектора.

Ниже рассмотрены возможные сценарии развития финансового сектора России.

1. Темпы роста номинального ВВП и банковских активов/пассивов

Банковская система России в силу финансового кризиса также вступила в новый этап. Его содержанием стали следующие факторы и условия развития:

- закрытие внешнего рынка капитала для притока внешних ресурсов в банковскую систему, ограничения по рефинансированию внешней задолженности;
- замещение внешнего долга внутренним, прежде всего перед государством;
- дефицит внутренних ресурсов, удорожание пассивов, привлеченных на внутреннем рынке;
- увеличение доли централизованных кредитов в пассивах банковской системы;
- усиление влияния государственных субсидий нефинансовому сектору, реализуемых через банковскую систему;
- рост рисков кредитования и процентных ставок по кредитам;
- снижение спроса на кредит со стороны нефинансового сектора, резкое падение темпов роста кредитования предприятий.

На протяжении всего кризисного этапа кредитная активность банковского сектора снижается, а влияние государства на банковскую систему — возрастает. С учетом сокращения прибыли предприятий и падения реальных доходов населения сбережения нефинансового сектора будут уменьшаться. Одновременно будет возрастать стоимость средств, привлеченных банковской системой.

В результате к началу экономического оживления банковская система подойдет с относительно дорогими пассивами и высокими процентными ставками по предлагаемым кредитам. Значительные инфляционные и девальвационные ожидания обусловят сохранение коротких сроков размещения средств нефинансового сектора в банковской системе. Удлинению же сроков располагаемых пассивов банковской системы будет способствовать замещение внешних займов государственными ресурсами. Однако эти «длинные» деньги будут направляться преимущественно государственным банкам.

2. Соотношение банковских кредитов и депозитов нефинансового сектора: наличие или отсутствие разрыва

Внешние условия являются необходимым фактором возобновления экономического роста. Однако устойчивость и качество последнего будут зависеть от решения структурных проблем. Очевидно, что экономический рост, а тем более рост, основанный на инвестициях, нуждается в банковских кредитах. И внутренних сбережений для этой цели будет недостаточно. В этой связи встает вопрос о выборе вектора экономической политики: поддерживать этот дефицит для сохранения высоких темпов роста либо снижать его, добиваясь финансовой устойчивости.

3. Динамика обменного курса рубля: нейтральная, падающая, укрепляющаяся

В целевом сценарии долгосрочного прогноза социально-экономического развития предполагается рост торгового баланса, что может стать фактором укрепления валютного курса, если увеличение торгового баланса

не будет сопровождаться усилением оттока капитала.

В связи с этим в рамках сценариев долгосрочного развития могут быть рассмотрены следующие варианты:

- валютный курс останется стабильным, что является первоначальным предположением для целевого сценария;
- отток капитала из страны будет фиксирован в соответствии с периодом относительно большого торгового баланса 2010–2013 гг., а валютный курс – сформирован из условия выполнения платежного баланса;
- объем покупок валюты за счет средств ФНБ будет соответствовать сценарию, учитывая ограниченную потребность в данных операциях, отток капитала – фиксирован, а валютный курс будет формироваться исходя из условия выполнения платежного баланса.

4. Конкуренция между долговыми инструментами

Сбережения институциональных агентов в экономике распределяются между различными финансовыми инструментами. Решения о таком распределении зависят от многих факторов – состояния ключевых макропоказателей, параметров состояния финансовой сферы, рисков, ожиданий и проч. При этом интенсивное развитие одного из инструментов может оказывать депрессивное воздействие на другие. Например, усиление инфляционных и девальвационных ожиданий увеличивает спрос на инструменты, номинированные в иностранной валюте (включая и наличную). Рост же объема покупок наличной иностранной валюты и ценных бумаг нерезидентов провоцирует валовой отток капитала из России, что снижает объем финансовых ресурсов в национальной экономике. ■

Russia's Financial Sector: How to Build a Forecast

Alexey L. VedeV – Head of Center of Structural Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Gaidar Institute, Doctor of Economic Sciences. E-mail: vedev@iep.ru

The issue of long-term forecasting for the Russian financial sector has come to the fore after the economy and the financial system have suffered substantial shocks in recent years. It is extremely important for economic agents to understand what the Russian financial system would be on the horizon. The effect of non-economic ("geopolitics") and technology (digital technologies) factors on the financial sector must be factored in when making forecast scenarios.

Key words: financial sector, scenarios for financial sector development, GDP, bank assets, banking passives, bank loans, bank deposits, exchange rate, debt instruments.

ВЛИЯНИЕ ДИВИДЕНДНОГО ФАКТОРА НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ АКЦИЙ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

А. Е. АБРАМОВ
А. Д. РАДЫГИН
М. И. ЧЕРНОВА

В последние годы многие российские компании наращивают дивидендные выплаты в целях поддержания привлекательности своих акций для инвесторов. Возникает вопрос: насколько данные стратегии эмитентов оправданны для инвесторов, т.е. действительно помогают им получать доходность, превышающую рыночную. Исследование показало, что в 2012–2018 гг. вложения в акции с высокой дивидендной доходностью по критерию общей (с учетом дивидендов) доходности помогали переигрывать как широкий рыночный портфель, так и доходность акций с низкими дивидендами. Однако на более длительном периоде, 2005–2018 гг., наиболее доходными оказывались вложения в широкий рыночный портфель и в акции без дивидендов, что ставит вопрос об устойчивости применения стратегий роста дивидендов на долгосрочных временных горизонтах.

Ключевые слова: дивиденды, факторное инвестирование, дивидендная доходность, индексы акций, инвестиционные стратегии.

Актуальность факторного инвестирования

Дивидендные стратегии являются одним из направлений факторного инвестирования, предполагающего вложения в ценные бумаги разных групп эмитентов со схожими фундаментальными показателями. Теоретической основой данного направления стала модель ценообразования финансовых активов (Capital Asset Pricing model, или CAPM) Шарп [21], Линтнер [17]. Импульсом для дальнейшего развития данной модели послужили эмпирические наблюдения устойчивых аномалий в поведении акций компаний, позволявшие строить привлекательные для инвесторов портфельные стратегии. Появились многофакторные модели, объясняющие избыточную доходность акций с помощью рыночного фактора CAPM и дополнительных специфических факторов риска, таких как: стоимость (Басу [7]), размер (Банз [6]), ликвидность (Амихуд [5]) и инерция (Джегадиш, Титман [15]). Наиболее

популярными являются трехфакторная модель Ю. Фамы и К. Френча [12], [13], четырехфакторная модель Кархарта [10], вариации пятифакторной модели (Кине, Питерсон [16]; Пастор, Стамбау [20]; Фама, Френч [14]) и многие другие, наиболее полный обзор которых представлен, например, в Кэмпбелл и др. [8].

Выбор факторов риска определялся не только эмпирически выявленными аномалиями, но и экономическим содержанием фактора. Многие факторы основываются на экономических закономерностях, в силу которых акции, характеризующиеся теми или иными особенностями, позволяют получать доходность выше рыночной. Продолжающийся более 50 лет анализ факторов тем не менее до сих пор не привел к появлению одного универсального набора характеристик для всех рынков и на все времена.

На российском фондовом рынке значимы являются факторы широкого рыночного портфеля¹, размера, ликвидности и отчасти

Абрамов Александр Евгеньевич, заведующий лабораторией анализа институтов и финансовых рынков ИПЭИ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: ae_abramov@mail.ru; Радыгин Александр Дмитриевич, председатель Ученого совета, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук (Москва), e-mail: arad@ier.ru; Чернова Мария Игоревна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, e-mail: chernova-mi@ranepa.ru

¹ Термин «широкий рыночный портфель» применяется нами по отношению к портфелю, составленному из максимально широкого набора акций российских эмитентов, находившихся в обращении в разные годы. В отличие от популярных индексных

моментума (инерции). Однако с 2011 г. значимость данных факторов стала убывать по мере ухудшения качественных характеристик фондового рынка и устойчивого оттока иностранных портфельных инвестиций (Абрамов и др., [2]). По мере наращивания дивидендных выплат российских компаний начиная с 2014 г. в объяснении доходности акций стало усиливаться значение дивидендного фактора. Отметим, что фактор дивидендной доходности хотя и исследуется в работах Фамы и Френча [11], Литзенберга и Рамасвани [18], Кэмпбелла [9], однако до сих пор он не использовался в качестве компонента в наиболее популярных в теории и на практике моделях ценообразования активов, таких как трех- и пятифакторные модели Фамы—Френча и четырехфакторная модель Кархарта.

В настоящей статье оценивается влияние дивидендного фактора на курсовую и общую доходность вложений в акции российских компаний на разных временных горизонтах инвестирования.

Описание выборки и методики расчетов

Построение фактора дивидендных выплат основано на выборке 154 российских публичных компаний, которые выплачивали дивиденды хотя бы один раз в период с 2005 по 2018 гг. Данные о размере дивидендов на акцию, прочих характеристиках выплаты и ценах акций собраны на основе информации, предоставляемой порталом Investfunds² и информационным агентством Bloomberg.

Изучение влияния дивидендных выплат основано на сравнительном анализе доходности акций, по которым выплачиваются высокие и низкие дивиденды, а также акций, по которым дивидендных выплат не производи-

лось. Для составления портфеля акций без дивидендных выплат использована широкая выборка всех публичных компаний (около 400), которые были в листинге на любой российской бирже за изучаемый период.

Критерием отбора высоко- и низкодходных по дивидендным выплатам акций являлась дивидендная доходность на начало года, которая рассчитывалась как отношение всех выплаченных дивидендов на акцию в предыдущем году к цене на начало года. Такой расчет позволяет сопоставлять рассчитанную дивидендную доходность с накопленной курсовой доходностью акции, а также суммировать их для получения общей доходности акции за год.

Распределение компаний на портфели акций с низкой и высокой дивидендной доходностью производилось один раз в год, в начале календарного года. Все компании, которые производили выплаты в предыдущем календарном году, разделялись по двум равным портфелям согласно дивидендной доходности на начало текущего года. Пороговым значением выбрана медиана текущих дивидендных доходностей по выборке.

Доходность каждого портфеля рассчитывалась как средневзвешенная доходность всех компаний в его составе с учетом их размера (рыночной капитализации) и ограничения на концентрацию 30%. Таким образом, вес каждой компании в составе портфеля определялся как доля ее рыночной капитализации в общей стоимости всех компаний в составе портфеля и не должен был превышать 30%. Минимальный размер выборки в каждом портфеле составлял 3–4 компании.

Существует два способа оценить сравнительные преимущества исследуемых портфелей. В качестве меры доходности может использоваться как курсовая доходность, кото-

портфелей Московской биржи широкий рыночный портфель позволяет учесть так называемую «ошибку выжившего», т.е. показатели акций листинговых компаний, исключенных из листинга. Ежемесячная и годовая доходность широкого рыночного портфеля, как и доходность иных факторов доходности акций российских компаний, а также методика их расчета публикуются с учетом текущих обновлений на академическом ресурсе «Конструктор CAPM-ru» в Глобальной сети Интернет. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/capm-ru>

² URL: <https://investfunds.ru>

рая оценивается только на основе колебания цен акций в составе портфеля, так и общая доходность, которая учитывает изменение стоимости портфеля и дивидендную доходность. Анализ курсовой доходности позволяет выявить инвестиционные преимущества и недостатки портфелей, которые наблюдаются в долгосрочной перспективе, более предсказуемы и менее зависят от текущих и будущих дивидендных решений компаний. Акции, по которым выплачиваются дивиденды и которые приносят дополнительную дивидендную доходность, должны компенсировать данное преимущество меньшей курсовой доходностью, если следовать теории Миллера–Модильяни [19]. В то же время общая доходность позволяет проверить данную гипотезу и понять, действительно ли инвестирование в акции с высокой или низкой дивидендной доходностью компенсирует их низкую стоимость дивидендами.

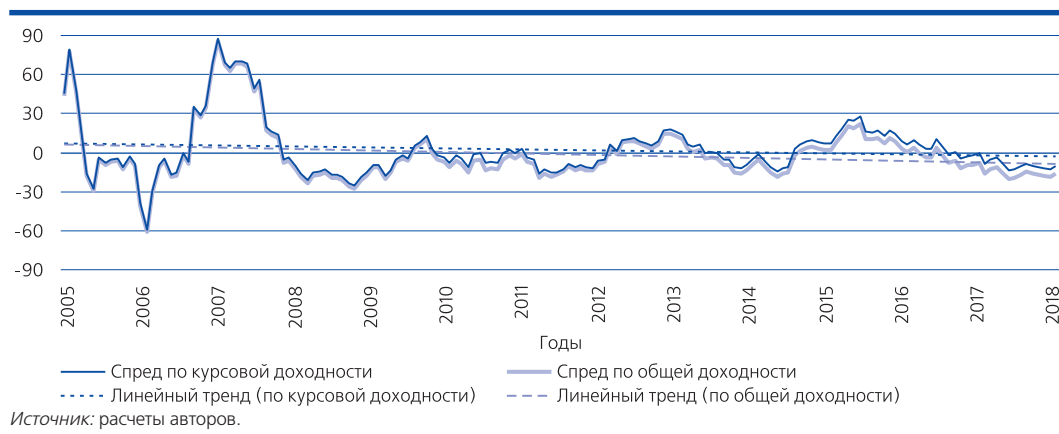
Преимущества и недостатки дивидендных акций в России

На рис. 1 показаны спреды курсовой и общей доходностей акций с низкими и высокими дивидендами в годовом выражении, которые для наглядности представлены в виде скользящей средней за 12 последних месяцев.

Данные показатели достаточно волатильны, но они позволяют увидеть, что по курсовой доходности акции с низкими дивидендами практически на всем наблюдаемом периоде, за исключением 2017–2018 гг., в среднем имели положительную премию (на рисунке – линейный тренд курсовой доходности). В то же время по общей доходности, включая дивиденды, акции с низкими дивидендными выплатами преимущественно превосходили высокодивидендные акции лишь до 2011–2012 гг. Однако по мере перехода к более активной дивидендной политике компаний спред доходности между акциями с низкими и высокими дивидендами стал преимущественно отрицательным. Это означает, что общая доходность акций с высокими дивидендами начала все заметнее переигрывать доходность акций с низкими дивидендами. Вопрос остается лишь в том, насколько стратегия выплаты высоких дивидендов окажется долговременной и будет и дальше приносить повышенную общую доходность для инвесторов.

Оценить эффективность выбора стратегии инвестирования в акции с различной дивидендной политикой на 14-летнем (2005–2018 гг.) и 7-летнем (2012–2018 гг.) горизонтах мож-

Рис. 1. Спред курсовой и общей доходности акций с низкими и высокими дивидендами за период 2005–2018 гг. (скользящая средняя за 12 последних месяцев, п.п.)

но, например, с помощью простых мер доходности и риска. (См. табл. 1). Длинный период позволяет оценить влияние фактора на долгосрочном периоде, а сокращение горизонта в два раза связано с высокой волатильностью фактора в предшествующие годы, ростом количества и размера дивидендных выплат в среднем на рынке в последние годы и анализом более краткосрочных тенденций. При этом доходностью считается средняя геометрическая доходность портфеля, рассчитанная на месячных данных и переведенная в годовое выражение.

На длительном временном горизонте с 2005 г. по 2018 г. наиболее выгодной стратегией инвестирования были вложения в акции без дивидендных выплат. Общая доходность вложений в такие акции составила 17,4% годовых, в то время как по акциям с выплатой дивидендов – 12,3%, а по портфелю акций с высокой дивидендной доходностью – 14,1%. Премия за вложения в акции без дивидендов по сравнению с портфелем акций с дивидендами по общей доходности составила 5,1 п.п., относительно портфеля акций с высокими дивидендами – 3,3 п.п. Преимущества акций без дивидендов по критерию только курсовой доходности были еще значительнее: здесь размеры премии со-

ставляли 8,7 п.п. к доходности акций с дивидендами и 9,3 п.п. по отношению к портфелю акций с высокими дивидендами.

Однако среди компаний, которые выплачивали дивиденды, на долгосрочном временном горизонте вложения в акции с высокой дивидендной доходностью приносили более высокую общую доходность по сравнению с портфелями акций с низкой дивидендной доходностью, а именно, 14,1% годовых по сравнению с 11,9%. Премия за низкую дивидендную доходность составляла -2,2 п.п.

Так, в 2005–2018 гг., главным образом в первой половине данного периода, повышенные дивиденды выплачивали прежде всего компании, стремившиеся компенсировать более низкую курсовую доходность акций.

В 2012–2018 гг. произошли существенные изменения в дивидендной политике компаний. Дивиденды перестали быть простым средством компенсации низкой курсовой доходности. Например, высокая дивидендная доходность выплачивалась по акциям, чья курсовая доходность в размере 9,3% годовых превышала аналогичный показатель для акций без дивидендов, равный 8,9%. Соответственно общая доходность акций без дивидендов стала значительно уступать всем категориям

Таблица 1

Портфели акций с различной дивидендной политикой и соответствующие премии за риск, в % годовых

	Доходность за 2005-2018 гг.		Доходность за 2012-2018 гг.	
	курсвая	общая	курсвая	общая
Портфель акций:				
1 с высокой дивидендной доходностью	8,1	14,1	9,3	14,1
2 с низкой дивидендной доходностью	10,1	11,9	7,8	11,4
3 с выплатами дивидендов	8,7	12,3	8,1	12,2
4 без выплат дивидендов	17,4	17,4	8,9	8,9
Премии за:	0,460	0,497	0,863	0,352
2-1 низкую дивидендную доходность	2,0	-2,2	-1,5	-2,7
4-3 вложение в акции без дивидендов	8,7	5,1	0,8	-3,3
вложение в акции без дивидендов по сравнению с портфелем акций с высокими дивидендами	9,3	3,3	-0,4	-5,2

Источник: расчеты авторов.

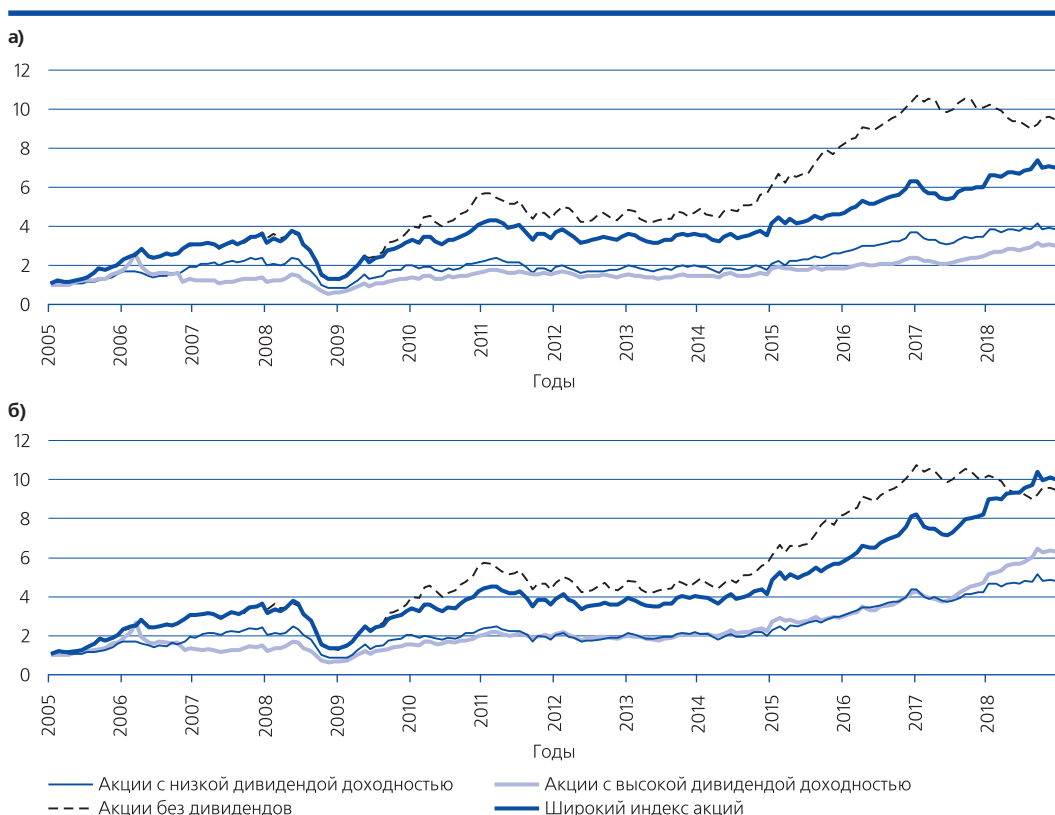
акций, по которым выплачивались дивиденды, в том числе акциям с дивидендами — на 3,3 п.п. и акциям с высокой дивидендной доходностью — на 5,2 п.п.

Однако вопрос о том, насколько устойчивой окажется тенденция поддержания более высокой общей доходности акций российских компаний за счет дивидендных выплат остается открытым, поскольку риск снижения уровня реинвестирования чистой прибыли может ограничивать потенциал ее роста в будущем, а инвесторы могут болезненно реагировать на непостоянство потока будущих денежных дивидендов.

В качестве дополнительного бенчмарка для акций, по которым выплачиваются дивиденды, может служить широкий портфель акций, состоящий из всех российских акций на всех биржах в России. Такой портфель является агрегированным широким индексом акций, отражающим все усредненные тенденции фондового рынка.

На долгосрочном временном горизонте вложения в каждый из четырех портфелей без учета получаемых инвестором дивидендов приводили к наибольшей привлекательности портфеля акций, по которым не выплачиваются дивиденды. (См. рис. 2). Один рубль,

Рис. 2. Накопленная курсовая (а) и общая (б) доходность портфелей акций с высокой и низкой дивидендной доходностью, акций без дивидендов и широкого рыночного портфеля акций за период 2005–2018 гг.

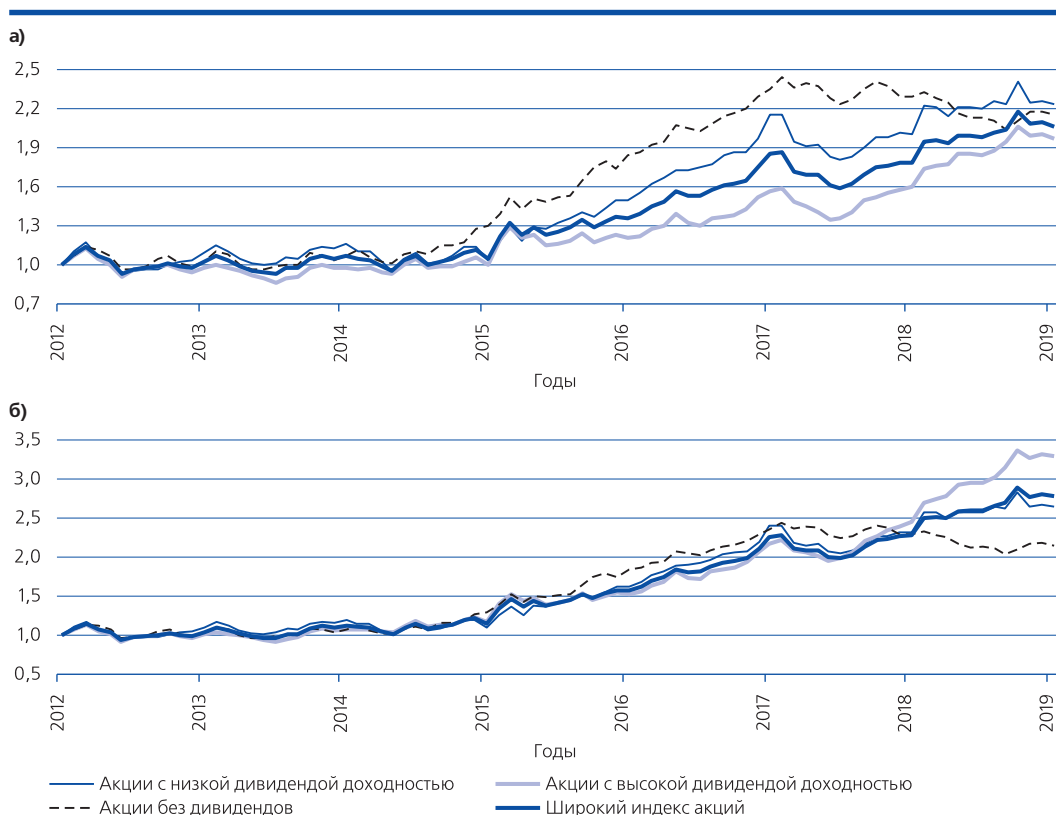

Источник: расчеты авторов.

вложенный в такой портфель в январе 2005 г., к концу 2018 г. выросал до 9,45 рубля. Далее следовал широкий портфель акций, который является портфелем акций без дивидендных выплат, дополненный дивидендными акциями. Внесение в портфель дивидендных акций с низкой курсовой доходностью значительно ухудшило результативность такой стратегии (к концу 2018 г. лишь 6,98 рубля на 1 рубль вложений). Акции с низкой дивидендной доходностью принесли бы инвестору 3,85 рубля на 1 рубль вложений за 14 лет, а с высокой дивидендной доходностью – лишь 2,99 рубля.

Однако наравне с курсовой доходностью для инвестора важным является и размер дивидендной доходности, получаемый в процессе владения акциями. Расчет общей доходности показывает большую отдачу от портфеля акций с высокой дивидендной доходностью по сравнению с портфелем акций с низкой дивидендной доходностью, которые принесут инвестору на 1 рубль вложений 6,31 и 4,81 рубля соответственно. Несмотря на значительное увеличение доходности по сравнению с курсовой, портфели дивидендных акций все еще проигрывали как широкому портфелю, так и портфелю акций без дивидендных выплат.

Рис. 3. Накопленная курсовая (а) и общая (б) доходность портфелей акций с высокой и низкой дивидендной доходностью, акций без дивидендов и широкого рыночного портфеля акций за период 2012–2019 гг.

Источник: расчеты авторов.

Примечательно, что широкий портфель акций по общей доходности с середины 2018 г. превзошел портфель акций без дивидендов (9,99 против 9,45 рубля). Причиной этому служит резкий рост дивидендов в последние годы (Абрамов и др., [1]), что является, вероятно, краткосрочным явлением.

На более коротком временном горизонте за период 2012–2018 гг. по критерию общей доходности самыми прибыльными оказались вложения в акции с высокой дивидендной доходностью прежде всего за счет опережающего роста их доходности в 2017–2018 гг. (См. рис. 3). На фоне общего роста дивидендов акции без выплат в среднем значительно упали в стоимости, увеличивая итоговый разрыв. Стоит отметить, что на начало 2018 г. существенных различий между четырьмя портфелями не было, что лишний раз подтверждает краткосрочность преимущества дивидендных акций.

Заключение

Теория ценообразования акций по факторным моделям, прежде всего, имеет большую ценность для выявления долгосрочных трендов в факторном инвестировании и обширную практику применения для оценки эффективности инвестиционных проектов и в портфельном управлении. В международных исследованиях широко освещался большой набор факторов, среди которых наиболее популяр-

ными являются: размер компании, ее стоимость, ликвидность, инерция и др., которые призваны отражать эффективность фондового рынка.

Однако для российского фондового рынка, особенно в последние годы, все большую значимость приобретает фактор дивидендной доходности на фоне роста выплат и кажущейся привлекательности дивидендных акций.

Проведенное исследование показало, что в 2012–2018 гг. вложения в акции с высокой дивидендной доходностью по критерию общей (с учетом дивидендов) доходности помогли переигрывать как широкий рыночный портфель акций, так и доходность акций с низкими дивидендами. Однако на более длительном периоде времени в 2005–2018 гг. наиболее доходными оказывались вложения в широкий рыночный портфель акций и в акции без дивидендов, что ставит вопрос об устойчивости применения стратегий роста дивидендов на долгосрочных временных горизонтах.

Широкий рыночный портфель акций оказывается наиболее привлекательной альтернативой из всех рассмотренных с учетом текущих тенденций к росту дивидендов. Он совмещает в себе преимущества как портфеля акций без дивидендов с высокой курсовой доходностью, так и дивидендных акций, собирая все высокие дивиденды на фондовом рынке России. ■

Литература

1. Абрамов А. Е., Радыгин А. Д., Чернова М. И. Некоторые тенденции в дивидендной политике публичных компаний. Экономическое Развитие России. — 2018. Том 25. № 5. сс. 50–57.
2. Абрамов А. Е., Радыгин А. Д., Чернова М. И. Модели ценообразования акций российских компаний и их практическое применение. Вопросы экономики. — 2019. № 3. сс. 48–76.
3. Ресурс ИПЭИ РАНХиГС Конструктор CAPM-ru, размещенный в Глобальной сети Интернет. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/capm-ru>
4. Ресурс «Инвестфандс», размещенный в Глобальной сети Интернет. URL: <https://investfunds.ru/>
5. Amihud, Y. Illiquidity and stock returns: cross-section and time-series effects. Journal of Financial Markets. — 2002. Vol. 5, pp. 31–56.
6. Banz, R. W. The relationship between return and market value of common stocks. Journal of Financial Economics. — 1981. Vol. 9, pp. 3–18.
7. Basu, S. Investment performance of common stocks in relation to their price-earnings ratios: a test of the efficient market hypothesis. Journal of Finance. — 1977. Vol. 32, pp. 663–82.

8. Campbell R. H., Y. Liu, H. Zhu. ... and the Cross-Section of Expected Returns. *The Review of Financial Studies*. – 2016. Vol. 29, No. 1, pp. 5–68.
9. Campbell, J. Y. Understanding risk and return. *Journal of Political Economy*. – 1996. Vol. 104, pp. 298–345.
10. Carhart, M. M. On persistence in mutual fund performance. *Journal of Finance*. – 1997. Vol. 52, pp. 57–82.
11. Fama, E. F., K. R. French. Dividend yields and expected returns. *Journal of Financial Economics*. – 1988. Vol. 22, pp. 3–25.
12. Fama, E. F., K. R. French. The cross-section of expected stock returns. *Journal of Finance*. – 1992. Vol. 47, pp. 427–65.
13. Fama, E. F., K. R. French. Common risk factors in the returns on stocks and bonds, *Journal of Financial Economics*. – 1993. Vol. 33, pp. 3–56.
14. Fama, E. F., K. R. French. A five-factor asset pricing model. *Journal of Financial Economics*. – 2015. Vol. 116, pp. 1–22.
15. Jegadeesh, N., S. Titman. Returns to buying winners and selling losers: implications for stock market efficiency. *Journal of Finance*. – 1993. Vol. 48, pp. 65–91.
16. Keene, M.A., D.R. Peterson. The Importance of Liquidity as a Factor in Asset Pricing. *Journal of Financial Research*. – 2007. Vol. 30, Issue 1, pp. 91–109.
17. Lintner, J. Security prices, risk, and maximal gains from diversification. *Journal of Finance*. – 1965. Vol. 20, pp. 587–615.
18. Litzenberger, R. H., K. Ramaswamy. The effect of personal taxes and dividends on capital asset prices: Theory and empirical evidence. *Journal of Financial Economics*. – 1979. Vol. 7, pp. 163–95.
19. Modigliani F., M. Miller. The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment. *The American Economic Review*. – 1958. Vol. 3, pp. 261–297.
20. Pastor, L., R. Stambaugh. Liquidity risk and expected stock returns. *Journal of Political Economy*. – 2003. Vol. 111, Issue 3, pp. 643–85.
21. Sharpe, W. F. Capital asset prices: A theory of market equilibrium under conditions of risk. *Journal of Finance*. – 1964. Vol. 19, No. 3, pp. 425–442.

Literature

1. Abramov A. E., Radygin A. D., Chernova M. I. Some Trends in the Dividend Policy of Public Companies. *Russia's Economic Development*. – 2018. Vol. 25. Issue No. 5. pp. 50–57.
2. Abramov A. E., Radygin A. D., Chernova M. I. The Models of Formation of Equity Prices of Russian Companies and Practical Application Thereof. *The Voprosy Ekonomiki (Economic Issues)* – 2019. Issue No.3. pp. 48–76.
3. The Internet-based CAPM-ru designer asset of the IAES RANEPА. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/capm-ru>
4. Resource «Investfunds» posted on global network Internet. URL: <https://investfunds.ru>
5. Amihud, Y. Illiquidity and stock returns: cross-section and time-series effects. *Journal of Financial Markets*. – 2002. Vol. 5, pp. 31–56.
6. Banz, R. W. The relationship between return and market value of common stocks. *Journal of Financial Economics*. – 1981. Vol. 9, pp. 3–18.
7. Basu, S. Investment performance of common stocks in relation to their price-earnings ratios: a test of the efficient market hypothesis. *Journal of Finance*. – 1977. Vol. 32, pp. 663–82.
8. Campbell R. H., Y. Liu, H. Zhu. ... and the Cross-Section of Expected Returns. *The Review of Financial Studies*. – 2016. Vol. 29, No. 1, pp. 5–68.
9. Campbell, J. Y. Understanding risk and return. *Journal of Political Economy*. – 1996. Vol. 104, pp. 298–345.
10. Carhart, M. M. On persistence in mutual fund performance. *Journal of Finance*. – 1997. Vol. 52, pp. 57–82.
11. Fama, E. F., K. R. French. Dividend yields and expected returns. *Journal of Financial Economics*. – 1988. Vol. 22, pp. 3–25.
12. Fama, E. F., K. R. French. The cross-section of expected stock returns. *Journal of Finance*. – 1992. Vol. 47, pp. 427–65.
13. Fama, E. F., K. R. French. Common risk factors in the returns on stocks and bonds, *Journal of Financial Economics*. – 1993. Vol. 33, pp. 3–56.
14. Fama, E. F., K. R. French. A five-factor asset pricing model. *Journal of Financial Economics*. – 2015. Vol. 116, pp. 1–22.
15. Jegadeesh, N., S. Titman. Returns to buying winners and selling losers: implications for stock market efficiency. *Journal of Finance*. – 1993. Vol. 48, pp. 65–91.
16. Keene, M.A., D.R. Peterson. The Importance of Liquidity as a Factor in Asset Pricing. *Journal of Financial Research*. – 2007. Vol. 30, Issue 1, pp. 91–109.

17. Lintner, J. Security prices, risk, and maximal gains from diversification. *Journal of Finance*. — 1965. Vol. 20, pp. 587–615.
18. Litzenberger, R. H., K. Ramaswamy. The effect of personal taxes and dividends on capital asset prices: Theory and empirical evidence. *Journal of Financial Economics*. — 1979. Vol. 7, pp. 163–95.
19. Modigliani F., M. Miller. The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment. *The American Economic Review*. — 1958. Vol. 3, pp. 261–297.
20. Pastor, L., R. Stambaugh. Liquidity risk and expected stock returns. *Journal of Political Economy*. — 2003. Vol. 111, Issue 3, pp. 643–85.
21. Sharpe, W. F. Capital asset prices: A theory of market equilibrium under conditions of risk. *Journal of Finance*. — 1964. Vol. 19, No. 3, pp. 425–442.

The Effect of the Dividend Factor on Investment Attractiveness of Russian Equities

Alexander E. Abramov — Head of Department for Analysis of Institutions and Financial Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: ae_abramov@mail.ru

Alexander D. Radygin — Chairman of Academic Board, Head of Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance of the Gaidar Institute; Director of Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: arad@iep.ru

Maria Ig. Chernova — Research fellow of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: chernova-mi@ranepa.ru

In the past few years, numerous Russian companies have increased dividend payments to underpin their equities' attractiveness for investors. In this context, a question arises: to what extent such strategies are justified for investors and do they actually permit to receive income higher than the market one? The research has established that in 2012–2018 investments in equities with a high dividend yield as per the general income criterion (with dividends accounted for) made it possible to outperform both a broad market portfolio and the level of yield on equities with low dividends. However, in a longer period (2005–2018) the investments in a broad market portfolio and equities without dividends turned out to be more profitable and this factor puts in question the application of the dividend growth strategy for long-term prospects.

Key words: dividends, factor investing, dividend yield, equity indices, investment strategies.

Инновационная экономика

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А. И. СМЕТАНИНА

Статья посвящена обоснованию необходимости и разработке рекомендаций для совершенствования организации предпринимательства в России в условиях цифровой экономики. Разрабатывается соответствующая перспективная модель, которая опирается на существующее в современной России инфраструктурное обеспечение и открывает перспективы для его совершенствования в целях стимулирования будущего развития отечественного предпринимательства.

Ключевые слова: организация предпринимательства, модернизация, цифровая экономика, современная Россия.

Введение

Важным событием в экономике современной России стало утверждение национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р [6]. Она преследует две цели, приоритетные для отечественной хозяйственной системы и тесно между собой взаимосвязанные.

Первая цель внешне ориентирована и заключается в повышении глобальной конкурентоспособности российской экономики. Незначительное увеличение индекса глобальной конкурентоспособности с 4,5 балла (43-е место среди 168 стран мира) в 2017 г. до 4,6 балла (38-е место среди 137 стран мира) в 2018 г. по версии экспертов Всемирного экономического форума нельзя считать свидетельством достижения этой цели, так как указанный прирост был достигнут за счет реализации предшествующего национальной программе потенциала в рамках общего повышательного тренда индекса глобальной конкурентоспособности экономики России начиная с 2014 г. (4,2 балла, 64-е место среди 148 стран мира) [13].

Подтверждением данного утверждения служит неизменность уровня глобальной цифровой конкурентоспособности экономики

России в 2018 г. (40-е место среди 63 стран мира) по сравнению с 2016 г. и незначительное его повышение по сравнению с 2017 г. (42-е место среди 63 стран мира) по версии специалистов Международного института управленческого развития (IMD) [14].

Вторая цель внутренне ориентирована и связана с модернизацией экономики России в целях повышения ее эффективности, а также уровня жизни населения. Реализация данной цели предполагает следующее.

Во-первых, совершенствование практики оказания государственных услуг на базе развития системы электронного правительства. Хотя специалистами ООН уровень развития этой системы в России на протяжении последних лет определяется как высокий и в 2018 г. значение индекса развития электронного правительства в отечественной экономике (0,7969 балла, 32-е место среди 193 стран мира), действительно, несколько улучшилось по сравнению с 2016 г. (0,7215 балла, 35-е место среди 193 стран мира), однако положение РФ в глобальном рейтинге — ухудшилось [12].

Во-вторых, достижение поставленной цели предполагает также модернизацию российского предпринимательства на базе внедрения новейших (прорывных, сквозных) цифро-

---

Сметанина Анастасия Игоревна, выпускник аспирантуры, соискатель ученой степени кандидата экономических наук Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия), e-mail: luxury_economy@mail.ru

вых технологий. Комплексный показатель данного процесса — «будущая готовность» (*future readiness*), рассчитываемый специалистами IMD, — остается в России практически неизменным на протяжении последних лет. В 2018 г. по значению этого показателя РФ заняла 51-е место среди 63 стран мира, незначительно улучшив свою позицию по сравнению с 2014 г. (52-е место среди 63 стран мира) [14]. Это свидетельствует об отсутствии выраженных результатов цифровой модернизации предпринимательства в России, что не позволяет достичь второй указанной цели национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и, одновременно, препятствует достижению первой цели.

Таким образом, актуальной проблемой современной экономической науки является разработка практических инструментов достижения целей, поставленных в указанной национальной программе. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что сдерживающим фактором на пути цифровой модернизации предпринимательства в современной России является несформированность научно-методического обеспечения организации предпринимательства в условиях цифровой экономики, целями же его являются определение перспектив и разработка рекомендаций для совершенствования организации предпринимательства в России в условиях цифровой экономики.

Источники и методы

Для проверки выдвинутой гипотезы проведем анализ доступных статистических данных в области цифровой экономики России. Согласно подсчетам экспертов НИУ «Высшая школа экономики» в 2019 г. цифровые технологии характеризуются высокой доступностью и достаточно распространены в экономике России. Об этом свидетельствуют следующие данные [11]:

- доступом к Интернету обладают 76,3% домашних хозяйств, а доступом к широкополосному Интернету — 72,6% домашних хозяйств;
- регулярно (практически каждый день) используют Интернет 60,6% населения в возрасте 15–71 года;
- мобильные устройства (мобильный телефон, ноутбук, планшет) для выхода в Интернет используют 73,4% населения в возрасте 15–74 лет;
- для заказа товаров и оплаты услуг Интернет используют 29% населения в возрасте 15–74 лет;
- для осуществления финансовых операций Интернет используют 31% населения в возрасте 15–74 лет.

Приведенные статистические данные указывают на высокий уровень потенциального спроса на продукцию предпринимательства, организованного в новой форме в условиях цифровой экономики. Российское предпринимательство также обладает свободным доступом к современным цифровым технологиям: доступ к Интернету имеют 86,1% отечественных предприятий, а доступ к широкополосному Интернету — 81,6% [11]. Тем не менее Интернет используется только в рамках отдельных бизнес-процессов (например, наем персонала с помощью Сети осуществляют 37% российских предприятий), не приводя к модернизации организации предпринимательства. Так, для закупок Интернет используют только 18,1% российских предприятий, а для продаж — 12,1% [11]. Это означает, что в России четко разграничен электронный сбыт, осуществляемый преимущественно розничными торговыми предприятиями, большинство из которых являются интернет-магазинами, и сбыт через выставочные залы.

Более того, большая часть информации, содержащейся на интернет-сайтах современных российских предприятий, либо носит ознакомительный характер (т.е. не предполагает совершения продаж через Сеть), либо является недостаточной для принятия решений потребителями (выборочное описание, вынуждающее обратиться в магазин за разъяснениями), либо утратила свою актуальность (недостаточно описывает номенклатуру, assor-

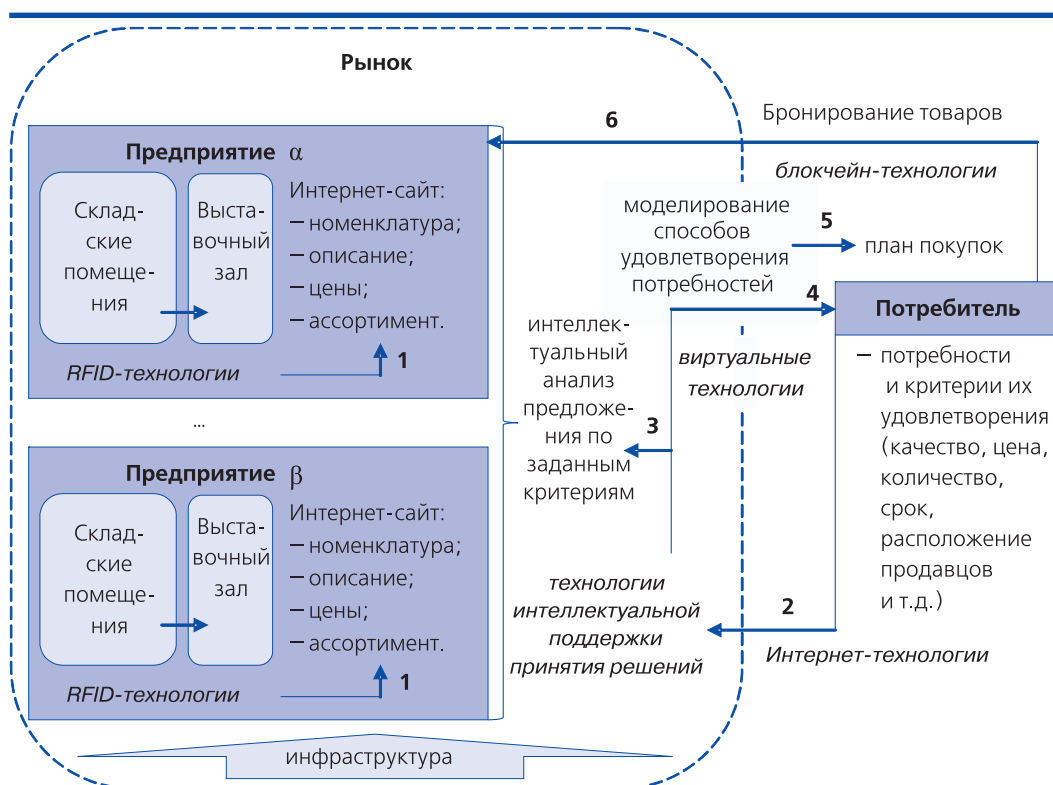
тимент и цену продукции). Из этого очевидно, что наиболее существенным барьером для расширения использования Интернета в России является отсутствие необходимости в нем. Это означает, что использование Сети не вписывается в существующую организацию предпринимательства в России и потому отторгается им. По этой причине в 2018 г. РФ занимала 28-е место в мире по уровню цифровизации предпринимательства [11].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на достаточное инфраструктурное обеспечение, цифровая модернизация предпринимательства в России не осуществляется из-за отсутствия научно-методического обеспечения использования современных цифровых технологий в предпринимательстве.

Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу и указывает на необходимость совершенствования организации предпринимательства в РФ в условиях цифровой экономики.

Примечательно, что организации предпринимательства в отечественной научной литературе сегодня уделяется недостаточное внимание. Публикациями по этой теме, как прямо, так и косвенно затрагивающими вопросы организации предпринимательства в современной России, являются работы таких авторов, как А.Л. Ведев, С.М. Дробышевский и М.В. Казакова [1], Н.И. Ломакин и др. [2], Г.С. Мерзликина, С.А. Рыльщикова и Н.А. Дубинина [3], И.А. Морозова [4, 8, 9], А.Ф. Московцев и О.В. Юрова [5], Н.В. Панюта [7], М.Б. Тулепов и Г.И. Яковлев [10].

Перспективная модель организации предпринимательства в условиях цифровой экономики

Источник: составлено автором.

Результаты

Для гармоничной интеграции цифровых технологий в деятельность современных российских предприятий предлагается перспективная модель организации предпринимательства в условиях цифровой экономики. (См. рисунок.)

Как видно из рисунка, предложенная модель объединяет электронный сбыт и сбыт через выставочные залы и, вследствие этого, ориентирована на массовое применение современными российскими предприятиями.

На первом этапе предприятия, функционирующие на рынке, закупают продукцию, которая сначала размещается в складских помещениях, затем попадает в выставочные залы. При этом применяются RFID-технологии (например, штрих-коды), позволяющие автоматически формировать актуальное предложение предприятия на его интернет-сайте, включающее в себя номенклатуру, описание, цены и ассортимент.

На втором этапе потребитель приходит на рынок со своими потребностями и критериями их удовлетворения (качество, цена, количество, срок поставки продукции, географическое расположение продавца и т.д.). Он задает параметры поиска, который осуществляется автоматически посредством технологий интеллектуальной поддержки принятия решений (предшествует искусственному интеллекту).

На третьем этапе, на основе данных технологий, производится интеллектуальный анализ актуального предложения, доступного на рынке по заданным критериям.

На четвертом этапе осуществляется моделирование способов удовлетворения потребностей с помощью виртуальных технологий. Это может предполагать как формирование различных вариантов комплексного предложения из нескольких товаров, так и моделирование процесса удовлетворения потребностей с помощью доступных товаров (например, виртуальная примерка одежды).

На пятом этапе, после того как потребитель выбрал оптимальный вариант удовлетво-

рения своих потребностей, ему предоставляется план покупок, содержащий их подробное описание, а также наиболее предпочтительный маршрут посещения выставочных залов с навигационной поддержкой.

На шестом этапе потребитель бронирует выбранные товары с помощью блокчейн-технологий, затем посещает выставочные залы и совершает покупки.

Предложенная модель организации предпринимательства в условиях цифровой экономики обеспечивает следующие преимущества для потребителей:

- сокращение транзакционных издержек: выбор продукции осуществляется автоматически, что устраняет необходимость личного посещения множества отдаленных друг от друга выставочных залов и обеспечивает снижение временных и финансовых (в частности, связанных с транспортом) затрат;
- рационализация покупок: использование технологий интеллектуальной поддержки принятия решений позволяет принимать наиболее оптимальные из них, касающиеся совершения покупок по заданным критериям.

Преимущества использования разработанной модели для предприятий включают:

- более точное планирование сбыта: расширенные аналитические инструменты на основе истории покупок каждого потребителя и на основе актуальных запросов потребителей на рынке, а также планирование текущих продаж на основе забронированной продукции;
- увеличение объема продаж: в Интернете границы между предприятиями стираются и потребители принимают во внимание сразу все предложения на рынке, что позволяет успешно реализовывать продукцию не только активно посещаемых предприятий с известными брендами и удобным географическим расположением, но и остальных, стимулируя тем самым усиление рыночной конкуренции.

Заключение

Таким образом, в условиях цифровой экономики открываются возможности и существует объективная необходимость для совершенствования организации предпринимательства в России, обусловленная растущей популярностью цифровых технологий со стороны потребителей и их доступностью, но недостаточно активным применением со стороны предприятий. Предложенная перспективная модель организации предпринимательства в условиях цифровой экономики позволяет разрешить выявленное противоречие и обеспечить высокоэффективное применение современных цифровых техно-

логий (RFID, виртуальные технологии, блокчейн, интеллектуальная поддержка принятия решений и Интернет) субъектами хозяйственных отношений.

В заключение следует отметить, что для практического совершенствования организации предпринимательства в России в условиях цифровой экономики необходимо развитие инфраструктурного обеспечения. Помимо средств связи необходимы программные решения и технические платформы. Их создание является актуальной задачей государственного регулирования цифровой модернизации предпринимательства в нынешних российских условиях. ■

Литература

1. Ведев А., Дробышевский С., Казакова М. Вызовы и риски сценарного прогноза на 2019–2024 гг. // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 10. С. 3–6.
2. Ломакин Н.И., Сазонов С.П. и др. Квантование Big Data региональных инвестиционных предпринимательских проектов // Наука Красноярья. 2018. Т. 7. № 1–2. С. 99–107.
3. Мерзликина Г.С., Рыльщикова С.А., Дубинина Н.А. Организационные инновации как «новый старый» инструмент превентивного антикризисного управления предприятием: региональный аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 3. С. 78–88.
4. Морозова И.А., Сметанина А.И. Формирование и развитие виртуального предпринимательства как ответ на глобальные трансформационные вызовы современности // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2016. № 7 (186). С. 56–60.
5. Московцев А.Ф., Юрова О.В. Предпринимательский менеджмент. — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. технич. ун-та, 2013.
6. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gfm4fhj4psb79i5v7ylvupgu4bvr7m0.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).
7. Панюта Н.В. Публичная организация предпринимательства: проблемы соотношения публичного и частного регулирования юта // Научный журнал. 2017. № 7 (20). С. 44–47.
8. Сметанина А.И., Морозова И.А. Модель управления лояльностью клиентов на основе формирования и развития системы электронных платежей // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 1. С. 329–334.
9. Сметанина А.И., Морозова И.А. Стратегия развития виртуального предпринимательства в условиях информационного общества // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 1. С. 396–400.
10. Тулепов М.Б., Яковлев Г.И. Инновационные формы организации промышленного предпринимательства в РФ // Инновационная деятельность. 2014. № 4(31). С. 82–92.
11. Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. — М.: НИУ ВШЭ, 2019.
12. E-government survey 2018 / ООН. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018> (дата обращения: 06.04.2019).
13. The Global Competitiveness Report 2017–2018 / Всемирный экономический форум. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017-2018.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).
14. World digital competitiveness ranking 2018 / IMD. URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2018/> (дата обращения: 06.04.2019).

References

1. Vedev A., Drobyshevsky S., Kazakova M. Challenges and risks of the scenario forecast for 2019–2024 // Russian Economic Development. 2018. Vol. 25. No.10. Pp. 3–6.
2. Lomakin N.I., Sazonov N.V. et al. Quantization of Big Data Regional Investment Entrepreneurial Projects // Science of Krasnoyarsk. 2018. Vol. 7. No. 1–2. Pp. 99–107.
3. Merzlikina G.S., Rylshchikova S.A., Dubinin N.A. Organizational innovations as a «new old» tool of preventive crisis management of an enterprise: a regional aspect // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economy. 2018. No. 3. Pp. 78–88.
4. Morozova I.A., Smetanina A.I. Formation and development of virtual entrepreneurship as a response to the global transformational challenges of our time // Proceedings of the Volgograd State Technical University. 2016. No. 7 (186). Pp. 56–60.
5. Moskovtsev A.F., Yurova O.V. Entrepreneurial management. – Volgograd: Volgograd State Technical University, 2013.
6. The national program «Digital economy of the Russian Federation», approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-p. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gfm4fhj4psb79i5v7ylvupgu4bvr7m0.pdf> (data accessed: 04/06/2019).
7. Panyuta N.V. Public organization of entrepreneurship: problems of the ratio of public and private regulation // Scientific Journal. 2017. No. 7 (20). Pp. 44–47.
8. Smetanina A.I., Morozova I.A. Customer loyalty management model based on the formation and development of an electronic payment system // Audit and financial analysis. 2015. No. 1. Pp. 329–334.
9. Smetanina A.I., Morozova I.A. Development strategy of virtual entrepreneurship in the conditions of the information society // Audit and financial analysis. 2017. No. 1. Pp. 396–400.
10. Tulepov M.B., Yakovlev G.I. Innovative forms of organization of industrial entrepreneurship in the Russian Federation // Innovative activity. 2014. № 4 (31). Pp. 82–92.
11. Digital economy: 2019: a short statistical compilation / Gl. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Hochberg et al. – Moscow: HSE, 2019.
12. E-government survey 2018 / ООН. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018> (дата обращения: 06.04.2019).
13. The Global Competitiveness Report 2017–2018 / Всемирный экономический форум. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017-2018.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).
14. World digital competitiveness ranking 2018 / IMD. URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2018/> (дата обращения: 06.04.2019).

Improving the Organization of Entrepreneurship in Russia in Conditions of Digital Economy

Anastasia I. Smetanina – graduate postgraduate, candidate for the degree of Economics, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia), e-mail: luxury_economy@mail.ru

The article is devoted to substantiating the need for and developing recommendations for improving the organization of entrepreneurship in Russia in the digital economy. A promising model for organizing entrepreneurship in the digital economy is being developed. It relies on the existing infrastructure in modern Russia and opens up prospects for its improvement in order to stimulate the future development of domestic entrepreneurship.

Key words: organization of entrepreneurship, modernization, digital economy, modern Russia.

Экология

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЭКОЛОГИЯ»: РОБКИЕ ШАГИ К РЕАЛИЗАЦИИ*

А. М. АВДОНИНА

Первые шаги по выполнению национального проекта «Экология» пока не носят целевого системного характера. Их реализация в конце 2018 — начале 2019 гг. позволяет сделать вывод о необходимости постоянного мониторинга и корректировки курса по ключевым федеральным проектам.

Ключевые слова: национальный проект, федеральный проект, реформа, экология, качество окружающей среды, твердые коммунальные отходы.

Национальный проект «Экология», паспорт которого был утвержден в конце 2018 г., разработан в рамках реализации майского указа Президента РФ. В настоящее время он включает в себя 11 федеральных проектов.

Наибольший общественный резонанс вызывают федеральные проекты (ФП), призванные решить проблемы в области обращения с отходами: «Чистая страна», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами». В этой сфере в конце 2018 — начале 2019 гг. произошли наиболее существенные изменения. Положительными моментами можно считать:

- запуск реформы обращения с отходами в 70 регионах РФ;
- включение показателя «качество окружающей среды» в перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ¹;
- продолжение ликвидации объектов накопленного экологического ущерба в рамках ФП «Чистая страна»;
- продолжение ликвидации несанкционированных свалок;
- организацию мониторинга показателей На-

ционального проекта (НП) «Экология» Счетной палатой РФ;

- организацию общественного мониторинга и комплексного аудита отрасли обращения с отходами (Общественная палата РФ, Общероссийский народный фронт);
- сохранение права самостоятельной реализации расширенной ответственности в сфере твердых коммунальных отходов (ТКО) производителей и импортеров, несмотря на инициативу Министерства финансов РФ о переносе экологического сбора в Налоговый кодекс.

Среди факторов, тормозящих полноценную реализацию реформы, следует отметить:

- перенесение сроков реформы обращения с ТКО в 15 регионах на 1.01.2020;
- непроработанность механизма сбора, хранения и транспортировки ценных вторичных ресурсов;
- отсутствие обязательного отдельного накопления и сбора ТКО в территориальных схемах большинства регионов РФ.

Организацией сбора и вывоза коммунальных отходов, согласно социологическим опросам правительства, удовлетворен каждый

Авдонина Александра Михайловна, старший научный сотрудник Центра экономического моделирования энергетики и экологии РАНХиГС, канд. биол. наук (Москва), avdonina-alm@ranepa.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» №8 (91) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59450>

второй житель РФ. Наибольшая доля таких граждан в Приволжском и Уральском ФО. В то же время старт реформы ТКО во многих областях (Архангельская, Тюменская и др.) сопровождается «мусорными» противостояниями и конфликтами.

Особое беспокойство вызывает ввоз ТКО и строительных отходов из Москвы и Подмосковья в регионы, где отсутствует инфраструктура для обращения с отходами либо близки к заполнению собственные полигоны захоронения ТКО (Владимирская, Ярославская и др.). Такие факты вызывают социальную напряженность, протесты, недоверие к власти и, по сути, к любым решениям, принимаемым в этой сфере. Итогом может стать блокирование действий власти в сфере обращения с отходами, процессов строительства объектов инфраструктуры и взаимодействия с инвесторами, что, в свою очередь, создаст препятствия для реализации НП «Экология».

В рамках ФП «Чистый воздух» утверждены комплексные планы мероприятий по снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в крупных промышленных центрах. Кроме того, продолжается формирование нормативной базы для создания системы автоматического контроля выбросов и сбросов загрязняющих веществ².

Вызывает опасения законодательно закрепляемое снижение нормативов предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе городских и сельских поселений по ряду опасных веществ, в частности, по метилмеркаптану. Такие действия повышают риски искусственного улучшения статистики при прежних объемах выбросов.

Что касается ФП «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», «Сохранение лесов», то к благоприятным для сохранения лесов изменениям можно отнести утверждение механизма создания объектов Национального лесного наследия и выделение финансирования для увели-

чения частоты авиапатрулирования лесов (на 1,4 млрд. руб.). Увеличение численности лесных инспекторов на 1 тыс. человек является, безусловно, необходимым решением, однако для восстановления института лесничества этого недостаточно, требуется более значительная и регулярная кадровая подпитка.

К сожалению, в НП «Экология» для мониторинга биоразнообразия не включен ни один целевой показатель (показатели числа видов и их численности, индекс биоразнообразия, ранее рекомендованные экспертами, не вошли в итоговую версию паспорта). Таким образом, невозможно оценивать состояние экосистем и отдельных популяций, особенно в свете развития экологического туризма.

По реализации ФП «Внедрение наилучших доступных технологий» требуется выработка и закрепление мер стимулирования перехода на такие технологии. В противном случае большинство показателей по всем направлениям НП «Экология» с большой вероятностью не будут выполнены.

По ФП «Чистая вода», «Оздоровление Волги», «Сохранение озера Байкал», «Сохранение уникальных водных объектов» оценки затруднены в связи с отсутствием информации. Невозможность оценки реализации ФП «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности» связана с удаленными во времени (2023 г.) планируемыми результатами. На 1 мая 2019 г. официальные данные для оценки достижения целевых показателей по НП «Экология» не опубликованы, почву для анализа дают лишь косвенные данные и оценки общественных организаций и коммерческого сектора.

Хотя формально показатели по ликвидации несанкционированных свалок могут быть достигнуты, проблемой является появление новых подобных объектов, поскольку профилактика их образования возможна только при эффективном функционировании системы управления отходами в целом.

² URL: <http://docs.cntd.ru/document/553884118>

Есть опасения, что показатель доли твердых коммунальных отходов, направленных на утилизацию, в общем объеме ТКО, не будет достигнут, так как не реализована система обязательного раздельного накопления и сбора отходов.

По итогам 2019 г. возможно достижение значений показателей по ФП «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», что не будет, однако, свидетельствовать о сохранении редких и исчезающих видов и экосистем в целом. ■

The Ecology National Project: Modest Steps to Implementation

Alexandra M. Avdonina – Senior Researcher, Center for Economic Modeling of Power Engineering and Ecology, RANEPА, PhD (Biology), Moscow, avdonina-alm@ranepa.ru

The first steps to implement the Ecology national project lack purpose-oriented and system-based parameters. As seen from the implementation steps made late in 2018 and early in 2019, permanent monitoring and adjustments by the key federal projects are crucially required.

Key words: National project, federal project, ecology, environmental quality, municipal solid waste.

Демографические процессы

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПО ПОЛУ*

Р. Р. ХАСАНОВА

По предварительным данным Росстата, в 2018 г. продолжительность жизни населения России выросла на 0,2 года и составила 72,84 года. Одной из острых демографических проблем в России является высокая дифференциация ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) по полу, которая объясняется низким уровнем ОПЖ мужчин. В 2018 г. разрыв ОПЖ между мужчинами и женщинами был равен 10,21 года – один из самых высоких показателей среди европейских стран.

Ключевые слова: продолжительность жизни, причины смерти, смертность мужчин, смертность женщин, предотвратимая смертность.

Продолжительность жизни населения России в 2018 г. составила 72,84 года, увеличившись относительно 2017 г. на 0,2 года – в большей степени за счет снижения смертности женщин. ОПЖ мужчин при рождении составила 67,66 года, женщин – 77,87 года.

Несмотря на значительные позитивные изменения, смертность российских мужчин остается очень высокой. Это, в свою очередь, порождает множество проблем: вдовство и сиротство, одиночество и бедность пожилых (риски бедности одиноких выше, чем у супружеских пар), снижение трудового потенциала, существенные расходы государства на социальные программы и т.д.

Разрыв ОПЖ по полу снижался в период 2005–2017 гг. с 13,55 до 10,1 года. Однако, по предварительным данным за 2018 г.¹, показатель в прошедшем году вырос на 0,1 года и составил 10,2 года. Его региональная дифференциация в 2017 г.² колебалась от 12 лет (Магаданская и Брянская области, Удмуртская Республика) до 5,5 года (республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика).

По последним данным Евростата, за 2017 г. разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин в России (10,13 года) был выше, чем во всех странах, сведения о которых приводятся статистическим ведомством. Близкие показатели – у Литвы (9,9 года) и Латвии (9,8 года). Самый незначительный разрыв в продолжительности жизни по полу – у Нидерландов, Исландии, Швеции (3,2 года).

Сокращение разрыва ожидаемой продолжительности жизни по полу не рассматривается как непосредственная цель национальных проектов, при этом предполагается реализация мер, способствующих снижению смертности и мужчин, и женщин. Поставлена задача по достижению к 2024 г. ожидаемой продолжительности жизни в 78 года, т.е. к этому сроку ОПЖ должна вырасти на 5,26 года. Национальный проект «Здравоохранение» предусматривает мероприятия по снижению смертности всего населения по направлениям «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и «Борьба с онкологическими заболеваниями», национальный проект «Безопасные

Хасанова Рамиля Рафаэлевна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: khasanovarr@gmail.com

* – Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 7 (90) (май 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/info/oper-12-2018.pdf

² Данные за 2018 г. будут доступны только в августе 2019 г.

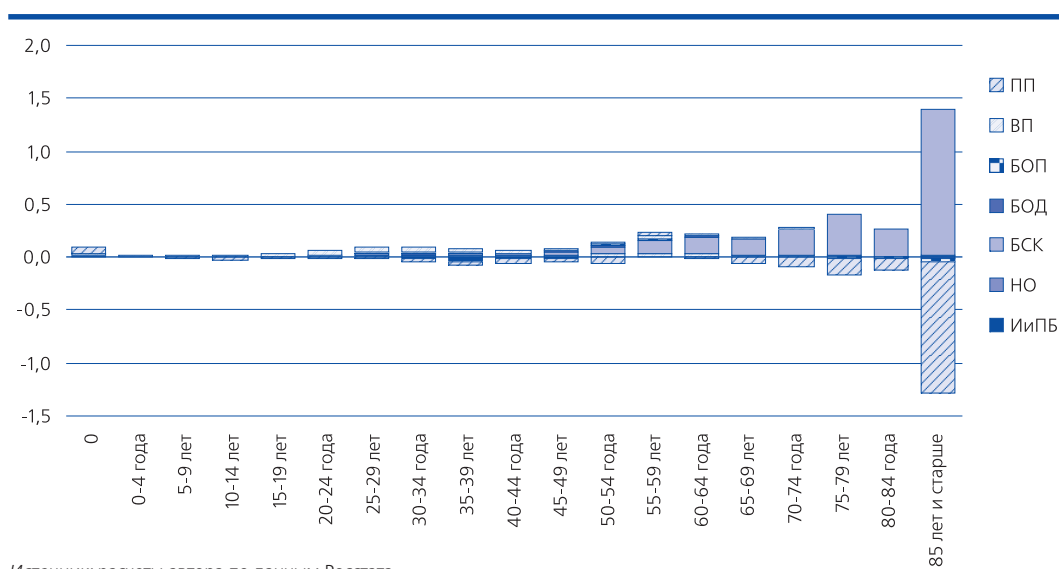

Продолжительность жизни женского населения за 2011–2017 гг. выросла на два года. Существенный вклад в этот рост внесло снижение смертности от болезней системы кровообращения (на 2,9 года), однако одновременно на ОПЖ женщин отрицательно подействовал рост смертности от прочих причин (-1,9 года). Сокращение смертности от внешних причин обеспечило рост ОПЖ женского населения на 0,4 года, от новообразований – на 0,2 года, болезней органов дыхания – на 0,12 года. Основной вклад в рост ОПЖ женщин за счет сокращения смертности от болезней системы кровообращения внесли старшие трудоспособные и пожилые возрастные группы. (См. рис. 2.) Снижение смертности от этой причины в самой старшей возрастной группе 85 лет и старше сопровождалось повышением смертности в этих группах от прочих причин смерти. Смертность женщин от внешних причин успешно снижалась в трудоспособном возрасте.

Таким образом, за шесть лет рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении обоих полов был вызван в большей степени снижением смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин. Сокращение разрыва в ОПЖ по полу в 2011–2017 гг. произошло благодаря снижению смертности мужского населения. Смертность мужчин и женщин за 2011–2018 гг. снизилась, разрыв в ОПЖ сократился на 1,36 года (11,57 года в 2011 г., 10,21 года в 2018 г.).

Высокая преждевременная смертность от болезней системы кровообращения и ее долговременная неблагоприятная динамика – одна из главных причин отставания России от развитых стран по продолжительности жизни. Как было отмечено выше, сокращение смертности от данной причины внесло существенный вклад в рост ОПЖ мужчин и женщин в 2011–2017 гг. (на два года – мужчин, на 2,9 года – женщин; без учета отрицательного или положительного влияния других причин смерти).

Рис. 2. Вклад основных причин смерти и отдельных возрастных групп в изменение ОПЖ при рождении (женщины) в 2011–2017 гг., лет

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

Новообразования занимают второе место в структуре причин смерти. Однако за последние шесть лет вклад снижения смертности от данной причины в рост показателя ОПЖ составил всего 0,26 года у мужчин и 0,2 года у женщин. Это отражает тот факт, что смертность от других причин смерти, прежде всего от болезней системы кровообращения, снижается быстрее, чем от новообразований. Также существует вероятность того, что избежавший смерти от болезней системы кровообращения умирает от новообразований. Низкие темпы снижения смертности от новообразований наблюдаются во всех развитых странах

В связи с этим эффективность расходования средств национального проекта «Здравоохранение» и его влияние на рост ОПЖ вызывают немалые сомнения. Сегодня лишь 3,5% (75,2 млрд. руб.⁶) средств, выделенных на проект, направлены на снижение смертности от болезней системы кровообращения (46% всех умерших в 2018 г.), а 56% (969 млрд. руб.) — на борьбу с онкологией (16% всех умерших). Внешние причины (+1 год в ОПЖ мужчин и +0,4 года в ОПЖ женщин в 2011–2017 гг., сокращение смертности трудоспособного населения) отмечены лишь фрагментарно (снижение смертности от ДТП). Однако смертность от ДТП — лишь малая часть всех умерших от внешних причин (10%). Помимо этого существуют самоубийства (13%), убийства (6%), повреждения с неопределенными намерениями (28%) и т.д. Также не отмечены причины смерти, которые можно полностью предотвратить с помощью улучшения качества и доступности системы здравоохранения. К ним, кроме некоторых форм онкологии и болезней системы кровообращения, относятся отдельные болезни органов пищеварения, дыхания, инфекционные и паразитарные болезни⁷.

Опыт предыдущих лет показывает, что некоторые показатели смертности снижались только в период действия федеральной программы (например, смертность от психических расстройств и расстройств поведения в 2008–2012 гг. и смертность от сахарного диабета в 2007–2012 гг.) и росли после прекращения ее действия. Некоторые показатели смертности частично сокращались в «ущерб» другим (снижение смертности от болезней системы кровообращения и рост показателя от прочих причин в пожилых возрастах). Стабильно повышалась смертность от ВИЧ.

Интегральным показателем эффективности системы здравоохранения может служить уровень предотвратимой смертности (т.е. той, которой можно избежать благодаря своевременной диагностике, качественной и доступной медицинской помощи и здоровому образу жизни населения). За 2011–2017 гг. сокращение смертности от предотвратимых причин обеспечило рост ожидаемой продолжительности жизни женщин на 2,3 года, мужчин — на 1,6 года (без учета отрицательного или положительного влияния других причин смерти). Недостаточно заметное снижение смертности мужчин от предотвратимых причин не позволило существенно сократить ОПЖ по полу в 2011–2017 гг.

Для повышения ОПЖ к 2024 г. до 78 лет и сокращения здесь разрыва по полу необходимо направить финансирование прежде всего на снижение смертности: а) от тех причин, которые легко предотвратить; б) от причин, снижение которых давало наибольший прирост ОПЖ в предыдущие годы; в) от причин, которые определяют высокую смертность мужского населения. В этой связи значительная часть направлений национального проекта «Здравоохранение», на наш взгляд, нуждается

⁶ Объем финансирования федеральных проектов за счет бюджетных средств за период 2019–2024 гг.

⁷ Злокачественные новообразования предстательной железы, злокачественные новообразования других мужских половых органов, болезнь Ходжкина, неходжкинская лимфома, лейкемия, хронические ревматические болезни сердца, гипертоническая болезнь, язва желудка, язва двенадцатиперстной кишки, грыжа, болезни червеобразного отростка (аппендикса), грыжи, желчно-каменная болезнь (холелитиаз), холецистит, некоторые инфекционные и паразитарные болезни, болезни органов дыхания, осложнения беременности, родов и послеродового периода.

ся в пересмотре с целью повышения его эффективности. Распределение средств внутри нацпроекта желательно изменить в пользу

борьбы с предотвратимыми причинами смертности, с тем чтобы достичь к 2024 г. искомым результатам. ■

Life Expectancy: Gender Differentiation

Ramilya R. Khasanova – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: khasanovarr@gmail.com

According to preliminary data released by Rosstat, in 2018 life expectancy for Russian population increased by 0.2 year and came to 72.84 years. One of the acute demographic problems in Russia is high differentiation of life expectancy by gender which is due to low life expectancy for males. In 2018, the difference between male and female life expectancy constituted 10.21 years, which is one of the highest indicators among European countries.

Key words: life expectancy, death causes, male mortality, female mortality, death prevention.